

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН,
ГАЛИНА ЧЕРНАЯ

ЛАЙНЕР ВАМПИРОВ

Галина Черная
Андрей Олегович Белянин
Лайнер вампиров
Серия «Детектив из Мокрых Псов», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=644785
Лайнер вампиров: Альфа-книга; Москва; 2011
ISBN 978-5-9922-0866-5

Аннотация

Маленький вокзал, тихий городок, глухая провинция... Что интересного может здесь ждать молодого выпускника столичной полицейской академии? Скука, серость и рутина. Как бы не так! Перспективный сержант Ирджи Браздинский оказывается в водовороте опасных приключений. А в мире, населенном ведьмами, горгулиями, упырями, бесами и вампирами, это опасно вдвойне! Но и сам Браздинский не прост. Точнее, он просто черт. То есть самый натуральный черт. А что? Должен же хоть кто-то встать на пути преступности, защищая закон и порядок...

И никакая Кровавая Белоснежка его не остановит.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Белянин, Галина Черная

Лайнер вампиров

Глава 1

Маньяк святой воды

Поезд высадил меня на дьяволом забытой станции городка со странным названием Мокрые Псы, округ Дог'ре, что в переводе с гелльского означает «Собачья кровь». Я поставил свой чемодан на платформу и оглядел пустынный перрон. Небольшое одноэтажное здание станции соблюдалось в порядке – хорошо ухоженные кусты плюща в декоративной паутине с крупными металлическими пауками оплетали его по бокам до самой крыши. Серое небо, один, традиционно ржавый, фонарь, полусорванное ветром расписание поездов и общая атмосфера какой-то особенной, домашней унылости. Всё как в детстве...

– Значит, это и есть моё новое место работы? Ну-с, посмотрим, посмотрим, – бодро пробурчал я себе под нос.

Клубящийся по платформе туман начал собираться, густеть, приобретая форму, и ещё через несколько мгновений передо мной стоял станционный смотритель. Пожилой вампир дружелюбно улыбнулся, обнажая полустёршиеся клыки и привычно подхватывая мой чемодан.

– Как доехали, месье? Надеюсь, поездка была не слишком утомительной? – вежливо поинтересовался он.

Я устало покачал головой, улыбаясь в ответ:

– Нормально, если не считать одного незначительного инцидента. Со мной в купе ехала молодая пара, представители новой религии, пытавшиеся перетянуть меня в свою веру. Может ли культурный чёрт верить в дьявола, если есть сатана, причём внятно объяснить разницу между тем и другим они не смогли. Пришлось показать им моё служебное удостоверение и тоже задать парочку вопросов...

– Лицензии на право читать проповедь у них, разумеется, не оказалось? – хитро сощурился смотритель, поддерживая разговор.

– Вот именно.

– Приятной службы, пан Браздинский, – поклонился он, открывая передо мной ржавую калитку в свежеевыкрашенной в цвет крови ограде. – Надеюсь, что вам у нас понравится.

Я кивнул, выходя с вокзала на городскую дорогу. Он уже знает, кто я, как меня зовут, из каких я краёв и чем буду здесь заниматься. Провинция... Здесь не так много событий, чтобы пропустить приезд нового сержанта полиции, да ещё из самого Парижска.

– Патрульное отделение прямо здесь, пан, через дорогу. – Он показал рукой на невысокое двухэтажное здание. – Но там уже закрыто, и вам, полагаю, нужно сначала в гостиницу «Рога под нимбом». Идите прямо по главной аллее, через две улицы сверните направо, выйдете на старую площадь, и гостиница будет прямо перед вами. Свободные номера у них всегда есть.

Вежливо поблагодарив старого вампира и взяв чемодан, я перешёл вымощенную могильным камнем дорогу, оглядел участок, где мне предстояло провести следующие несколько месяцев своей жизни. Надеюсь, долго это не протянется, я добьюсь возвращения в столицу, а временную ссылку в эту дыру буду вспоминать как вынужденный период отдыха. Согласитесь, даже лучшим специалистам бюро сыска когда-то нужно отдыхать, а я и был

одним из лучших. Может быть, чересчур старательным, за что и... В общем, не хочу об этом вспоминать.

Участок, или полицейское отделение, построенный из закопчённого могильного камня, выглядел слишком мирным и даже сонным, чтобы здесь можно было рассчитывать на активный труд и интересные дела. Но я чувствовал себя не в лучшей форме, чтобы заходить знакомиться с новыми сослуживцами сию же минуту. Да и сейчас там, наверное, один ночной дежурный, рабочее время в полиции таких маленьких городков-деревень обычно с девяти утра до пяти вечера. И вот тут-то я впервые заметил слежку...

Шагах в двадцати следом за мной мягко кралась тёмная фигура, закутанная в длинный плащ с подчёркнутой талией. Я сделал вид, что засмотрелся на пробуждающиеся звёзды, и вдруг, резко обернувшись, шагнул навстречу преследователю. Перепуганная фигура махнула хвостом и исчезла в густеющих сумерках. Судя по кисточке на кончике хвоста, это был чёрт или чертовка. Ну что ж, утром разберёмся, вряд ли в этом городишке меня ждут более сложные «расследования»...

Следуя подсказке зрителя, я пересёк неширокую аллею из давно отмерших вязов, примерно на метр от земли заботливо вычерненных мазутом – дешёвая и всегда действенная защита от могильных жуков. Отдельные прилипшие к чёрному особи потом надолго служат естественным украшением дерева. Говорят, в некоторых городах на побережье вопреки старым традициям на кронах оставляют листья. Лично я всегда стоял за старый метод раннего обрыва почек, всё-таки в зелени листьев есть что-то болезненное, нет?

Тем более когда в осень они станут ещё красными и жёлтыми. Как у тамошних жителей (если только это правда), не рябит в глазах от такого калейдоскопа? А ведь сколько поэзии и законченности в голой серой ветке мёртвого ясеня с сидящим на ней древним вороном, изрыгающим страшное проклятие, от которого кровь стынет в жилах. Видимо, я большой романтик...

Наконец аллея закончилась, и я вышел на площадь, посреди которой возвышалась мрачная статуя какого-то дьявольского великомученика. Пересекая площадь, я взглянул на табличку на постаменте, это оказался Люциус Роллинг, сожжённый антирелигиозно настроенными крестьянами-упырями в году четыреста десятом от рождества антихристового.

...Небольшое двухэтажное здание гостиницы с вывеской «Рога под нимбом» было построено в стиле позднего хард-рококо и производило довольно благоприятное впечатление своими трагично ломанными линиями. На первом этаже размещалась круглосуточная пивная. Слева находилась пекарня, справа – салон гробов-кроватей. Ещё дальше, над зданием тюрьмы, возвышался шпиль городской ратуши. Гостиница оказалась вполне приличной...

– Один номер на одну ночь с правом продления для одного постояльца? – деловито уточнил небритый клерк-фавн. – Да, пан Ирджи Браздинский, о вас предупреждали. Вот ключ. Но прежде прошу подписать здесь и здесь, что с правилами проживания вы ознакомлены.

Я молча подписал жёлтый бланк о том, что обязуюсь не приводить толстых женщин после часа ночи, не разжигать костры на подоконнике, не выть на луну с двенадцати ночи до четырёх утра, не оставлять дверцу холодильника открытой, не кормить нищих вампиров орешками из мини-бара и не стрелять в цыган из лука, рогатки, арбалета (исключение составляет лишь табельное огнестрельное оружие). Вполне разумные требования, всё как у всех...

Мне дали номер с видом на чёрные воды местной реки. Делать было абсолютно нечего. Постояв под душем и почистив зубы, я лёг спать, но, провалявшись в постели без сна полчаса, включил телевизор. Два региональных канала показывали унылые женские сериалы, а

ещё один – детские мультики про зайца и волка. Тупо попялившись в экран минут двадцать, я сдался, оделся и пошёл бродить по спящему ночному городу.

Врождённая привычка столичного сыщика ни на секунду не терять бдительности не давала расслабиться и здесь, где по статистике за два прошлых года не было совершено ни одного преступления. Кроме, кажется, всё той же оплошности заезжего туриста, покормившего вампиров орешками из мини-бара. Вроде ему даже вклепали за это штраф и взяли подписку впредь никогда не посещать Мокрые Псы (дьявол, что за название?!), чему он был только счастлив...

Наверное, я просто не умею отдыхать. Зря, конечно, ибо искусство расслабляться очень важно в работе полицейского. Я всё время чувствовал себя на службе, с тех пор как три года назад, сразу после окончания академии полиции, заступил на должность сержанта в округе Парижск. Так сложилось, что за это время я ни разу не брал отпуск и проводил вне отделения не больше одного выходного дня в неделю. Иначе было просто невозможно. В столице преступления совершаются каждые пятнадцать минут. Не то что здесь.

Хотя-а... возможно, это поспешные выводы. Я увидел, что за магазином траурных венков, которые у нас дарят по любому поводу, к одному тощему домовому пристают трое ражих детей его вида. Они прижали его к стене, и тот что-то бормотал испуганным, оправдывающимся голосом.

– Сержант Бразинский, – представился я, быстрым шагом подскочив к ним и показывая удостоверение. – Что здесь происходит?

«Жертва» расплылась в улыбке, а «грабители», наоборот, обернулись несколько недоуменно, но только в первое мгновение. Через секунду и они заулыбались, но так двусмысленно и мерзко, как будто увидели старого приятеля, который был свидетелем и соучастником их детских преступлений.

– Себджанд? Дак бы себджанд Бдазинский? Мы бас так бждали! – радостно вскричал один доброхот из «грабителей». Давно не слышал этот носовой прононс, встречающийся только у синегорских домовых.

Я слегка опешил. И это, кажется, отразилось на моём лице, несмотря на многолетнюю выучку скрывать эмоции.

– Хма-хма-хма! Себджант, да бы, кжется, бешили, что мы дуд чем-то кривинальным занимаемся...

– Именно, поэтому руки вперёд!

Я автоматически потянулся к карману за наручниками. О ряса ангела, я ведь их не взял! Кто мог подумать, что обычная ночная прогулка обернётся необходимостью задержания преступников? В смысле в таком-то сонном месте?!

– Эй, если хотите их арестовать, дьявола ради! Но почему это нужно делать на середине поздравления?! – искренне возмутился тощий. Судя по речи, не синегорец.

– Но разве эти трое не напали на вас?

– Так у меня же день рождения, – подтвердил он с таким видом, словно это всё сразу делало ясным.

Я окончательно запутался.

– И?..

– Они меня чествовали, – вздохнув, начала пояснять «жертва», значимо и чётко разделяя слова, как самому тупому троллю. – У нас такой обычай, у домовых. Мы бедные, и у нас ничего нет. Поэтому друзья на день рождения, видя, что мы не собираемся накрывать для них стол и угощать, бьют нас и пинают. Конечно, понарошку, если не увлекутся. А после уже дарят, что могут. А вы нам весь ритуал испортили.

– Но... где тогда подарки? – спросил я, уже понимая, что домовый скорее всего не врёт. Слишком убедительным было его возмущение. Но для порядка надо было довести допрос до конца. К тому же неприятно так ошибиться после трёх лет службы...

– Бот они. На эти дебёги и этой выпивкой он должен нас угостить. Даков сбященный обычай догбебских добоных.

– Но вы-то не догревские!

– Не-э, бы-то с гор, себебные, бтобой год дуд на забаботках, батушу бебонтибуем.

– О, друзья мои, вы настоящие друзья... – умильно разглядывая какую-то коробку с брэнчащей мелочью и прижимая её к сердцу, бормотал домовый.

Мне стало стыдно. В академии полиции нас заставляли учить разные обычаи народов всех округов, но, не встречаясь с домовыми за всё время службы, видимо, я что-то подзабыл. Однако проверить всё-таки стоило.

– Позвольте посмотреть.

– Конечно, сержант.

Ну на первый взгляд там ничего подозрительного. Мешочек с монетами, вроде не лепехунскими, старая зажигалка, пара бутылок дешёвого русалочьего вина. Что-то подсказывало мне, что его не мешало бы изъять и провести экспертизу. Возможно, это у меня уже издержки профессии искать во всём следы преступления (здесь тебе не столица, Ирджи, здесь преступлений вообще не бывает!), поэтому, поколебавшись, я решил не портить домовым праздник.

– Приношу свои извинения, господа. Позвольте поздравить вас от лица полиции. Надеюсь, что вы будете вести себя прилично, без лишнего шума и вовремя разойдётесь по домам.

– Да буж сбасибо, не дубади не гадаби угодить себодня в катабажку...

– Ещё раз извините, – пришлось повторить мне. – И весело вам отпраздновать.

Я козырнул, прикоснувшись когтями к рогам, развернулся через левое плечо и отошёл, избавив домовых, у которых и так уже заметно поубавилось праздничного настроения, от своего дальнейшего присутствия. Уходил быстрым шагом, надеясь найти где-нибудь за углом паб или кофейню. Хотелось чуток успокоить нервы...

Но не более чем через пять минут я заметил, что за мной снова следят. Уже не в первый раз за этот день – подозрительно, правда? Может быть, и не стоило игнорировать такой жгучий интерес к моей скромной персоне. Однако, как только я развернулся, следящий тут же испуганно метнулся в тень. Догонять его мне не хотелось. По крайней мере, сейчас. У меня было чувство, что это не последняя наша встреча и у меня ещё будет время со всем разобраться.

Миновав главную площадь, я свернул в очередной переулок между салоном гробов-кроватей и местной избой-читальней, в окне которой экспонировались книги, вышедшие из-под пера артели одомашненных драконов-литераторов. Мне самому ничего этого читать не доводилось, но многие хвалят.

Я вдохнул полной грудью тёплый воздух летней ночи и увидел на старенькой тумбе для объявлений большой плакат с сообщением о городском празднике. Судя по дате, он проводится сегодня на местном кладбище, как обычно по традиции до сих пор и устраиваются главные праздники в таких маленьких городках. Программа тоже весьма стандартная: «В 13 ч. конкурс юных чертей «Задери соседке юбку!» (в трёх этапах), а также барбекю из неодомашенных драконов, грязные танцы, вручение приза за лучший кактус года и награждение победителей за счёт спонсоров колбасной фабрики «Крысси-энд-хуть».

От разглядывания нарисованных на афише девушек в народных платьях с короткими пышными юбками меня отвлекла компания юных горгулий-неформалок, которые курили, болтали и хихикали самым неприличным образом. Одна из них незаметно сунула в лапу дру-

гой нечто очень похожее на пакетик ладбастрового порошка, привозного наркотика, самого популярного сейчас среди «позолоченной молодежи».

Стоит он весьма недёшево, что диктуется очень сложным способом добычи самой ценной его составляющей – ладана. Этим занимаются исключительно горгулии, поскольку в этом деле необходимы крылья и умение летать. Обычно шесть горгулий подкарауливают на нижних небесах дежурного ангела с ладаном и ценой потери двух-трёх, а иногда и больше собратьев отбирают порошок. Добытый ладан потом смешивают с алебастром (отсюда и название) в определённой пропорции и видят с ним райские кущи. К нормальной жизни летающие монстры, хотя бы один раз нюхнувшие эту ангельскую дрянь, уже не возвращаются.

Я решительно направился к этой весёлой компании. Не надеясь на неокрепшие крылья, они попытались просто убежать. Сняв с пояса дубинку, я согнул её бумерангом и, не целясь, запустил вслед удирающим подросткам. Бумеранг попал под колено последнему, тот упал напереди бегущего, и вместе они свалили остальных. А пока они поднимались, я уже возвышался над ними, грозный как само правосудие.

Обыск привёл к ожидаемому результату. Из карманов юношей были извлечены на свет два пакетика ладбастра. Никаких разумных объяснений они дать, естественно, не могли. Я за шиворот повёл в участок всех четверых.

Нажал на кнопку звонка, роль сигнализации выполнял раздирающий душу стон неопомелившегося Уфира, демона врачей и стоматологов. Подождал минуту и, убедившись, что открывать никто не спешит, постучал два раза. Старая, скрипучая дверь распахнулась без промедления. Не заперто? Надеюсь, хотя бы внутри кто-то есть...

В пустом коридоре пахло табаком и ванилью. В участке просиживал штаны только дежурный чёрт с исключительно постным выражением лица и торчащими из-под верхней губы кривоватыми клыками (что говорило о явной примеси вампирской крови). Он даже не встал из-за стола, когда мы вошли, а лишь поднял на нас мутный, с капелькой удивления в глубине чёрных глаз взгляд и вялым, безжизненным голосом предложил:

– Томатного сока с перцем... сержант?

Я посмотрел на стоящий перед ним полупустой стакан и покачал головой:

– Спасибо, лучше оформите-ка эту компанию.

– А что они натворили? Такие юные и безобразные?.. – с явным смаком отпивая сок, но по-прежнему не двигаясь с места, спросил этот странный тип.

– Нюхали ладбастр, – жёстко сказал я.

– Ой как хорошо-о-о... То есть нехорошо! Так ведь нельзя. Дети, вы ведь себя сгубить можете. Красоты Эдема захотели увидеть? Это совсем неподходящий путь для воспитанных горгулий. Но зачем же так прямо сразу и оформлять? Думаю, им надо дать шанс. А, сержант?

Я сдвинул брови, придерживаясь иного, продиктованного опытом взгляда. Если их сейчас отпустить, лишь мягко пожурив, до них просто не дойдёт. Я видел это по их спокойным, нарочито отстранённым выражениям лиц. В глазах у этих нахалов было чётко написано: «Лучше помолчать и не спорить, изобразить раскаяние и надуть этих наивных полицейских старичков». А уже со следующей дозы любой из них может не вернуться. Ладан убийственное вещество для каждого в этом мире, будь ты горгулия, чёрт, лепреккон или фавн: если чуть изменить пропорции смеси, перебрав ладана только на один миллиграмм, последует окончание очередной коротенькой и не очень умно прожитой жизни. Простите за сумбур выражений, но я уже насмотрелся смертей от наркотиков...

– Оформляйте протокол, капрал Фурфур Флевретти, – прочёл я его имя на беджике на форменной рубашке.

– Но, месье, всё же вы здесь новое лицо, а я...

– Это мой приказ. Как старшего по званию.

Горгулии возмущённо загомонили. Тяжело вздохнув и вылив в рот остатки практически серого от количества перца томатного сока, капрал крикнул от удовольствия, потянулся за амбарной книгой на краю столешницы и, обмакнув перо в чернила каракатицы, объявил:

– Тэк-с, тогда приступим. Ну, ребятки-горгулятки, ведите себя потише, а то я собьюсь и перепутаю ваши адреса, а может, и пап и мам. Кому это понравится? Правильно, никому. Поэтому цыц!

Я понаблюдал немного за попытками дежурного справиться с пером, которое никак его не слушалось, достал из нагрудного кармана свою авторучку и протянул ему. Смущённый Флевретти благодарно кивнул.

– Хотите, я их оформлю? Мне это привычнее, да и не помешает поближе узнать специфику вашей работы с местным населением. Это поможет мне скорей втянуться в коллектив...

– Конечно, сержант... э-э-э?..

– Браздинский.

Горгулии противенько захихикали. Моя славянская фамилия всегда вызывает такую реакцию. Я уже привык. А капрал с явным облегчением и даже радостью уступил мне своё кресло. Я писал по его подсказке, он знал всех подростков по именам, их адреса, имена родителей, истории семей до пятого колена. За это время он раз пять потянулся и раз шесть зевнул, чуть наклонив голову набок и умильно глядя на горгулий, словно это были небесные птицы, а не злобно ухмыляющиеся исподтишка адские твари. Про большинство наших подростков иначе и не скажешь. Мир катится в тартарары, уровень преступности нереально высок, и мы единственные, кто хоть как-то сдерживает этот нарастающий вал...

За писаниной я не сразу обратил внимание на пронзительный скрип входной двери, потом в коридоре раздались тяжёлые шаги, и в комнату вошёл пожилой, невысокий, но нереально толстый чёрт в комиссарских погонах на круглых покатых плечах. Форма наверняка сшита по индивидуальному заказу, пузо свисает, сам поперёк себя шире, но вид суровый. Он оценивающе зыркнул на меня из-под сведённых кустистых бровей. Где-то в глубине глаз блеснули весёлые искорки.

Я решил подыграть и встал по стойке «смирно».

– Сержант Ирджи Браздинский, прибыл для несения службы, месье!

Горгулии опять прыснули. Капрал Флевретти, не сдержавшись, тоже дёрнул губами в усмешке, но тут же напустил на себя скорбный вид, пронзая юных подследственных осуждающим взглядом.

– Вольно, вольно, сержант, – добродушно заулыбался комиссар. – Моё имя Жерар Базиликус, и я рад вас видеть. Давно прибыли?

– Несколько часов назад, месье!

– Тогда добро пожаловать в наш мирный, уютный городок, уверен, что вам здесь понравится, хотя поначалу всё может показаться менее ярким и шумным, чем в столице. Зато у нас отличное местное пиво, – он причмокнул губами, мечтательно закатив глаза, – и гречневая каша с нарезкой из копчёных бычьих хвостов... ммм... такую готовят только здесь. Почему были вынуждены оставить прежнее место службы?

– Интриги сослуживцев, месье.

– Понимаю, это достойный повод. Только боюсь, вы найдёте у нас не так много возможностей для применения ваших исключительных талантов детектива, о которых мы все слышали. Не смогли уснуть на новом месте? А что эти юные шалопаи здесь делают? – Он как будто только что заметил горгулий и изобразил на лице крайнюю степень удивления, хотя мне казалось, что они своей болтовнёй наполнили всё пространство помещения. – Не может быть, Фрэнки, Лора, Тинто... Куда смотрят ваши родители, а? Надеюсь, одного вашего прихода в полицию им будет достаточно для того, чтобы уделять вам больше внимания. Ладно,

я забыл тут на столе свои очки для чтения. Не могу уснуть, не прочтя перед сном главку-другую сентиментального сериала о собакоголовых зомби-лесбиянках «Вы-браковка, я-браковка, ты-браковка». А, вот и очки! Ну-с, покойной ночи...

– Покойной ночи, месье, – дружно откликнулись мы с капралом.

– И вот ещё, сержант. – Комиссар задержался и, глядя мне в глаза, многозначительно добавил: – У нас не было ни одного нарушения за последние пять месяцев после кражи малолетками в соседнем округе двух товарных вагонов с дистиллированным холестерином.

– Громкое дело было, месье, – подавшись вперёд, поддакнул капрал.

– Они пытались продать его оптом в табачной лавке... но это был исключительный случай. У нас была такая хорошая отчётность, друг мой... до вашего приезда. Но об этом мы ещё поговорим. А сейчас идите ложитесь спать, мой дорогой. Сегодня вам предстоит важное и исключительно ответственное дело, никому другому я поручить его не могу. Поэтому вам надо хорошенько отдохнуть, побыстрее дооформляйте тут всё и в постель. А вы марш по домам, бездельники! Думаю, папы и мамы уже заждались своих непутёвых чад...

Горгулий отпустили, разумеется, я пообещал на прощанье, что мне всё-таки придётся вызвать для разговора их родителей, что поумерило радость подростков. Обычное родительское наказание для таких активных ребятишек – визит к парикмахеру и ритуальное подрезание крыльев. А это похуже, чем лишить Интернета. Пока крылья не отрастут снова, малолетки будут привязаны к земле, а летать смогут только через три-четыре недели. С другой стороны, не в тюрьму же их сажать...

Я вернулся в гостиницу, поднялся в свой номер и остаток ночи мирно проспал. Утром встал бодрым, удовлетворённым вчерашними успехами, сделал зарядку и спустился на завтрак. Кажется, начинаю понемногу привыкать к новой обстановке. Думаю, мы быстро поладим с этим милым городишком, тут всё не так уж плохо, зря боялся.

Увы... Завтрак начался с дурной яичницы, жирных тостов и свежей местной газеты, описывающей мои вчерашние приключения. Или, вернее сказать, злоключения? Статья имела броский заголовок «Зверское избиение домовых! Надругательство над святыми устоями! Полиция оскверняет традиции!». У меня глаза полезли на лоб. Дальше шёл не менее шокирующий текст: «Новоприбывший к нам детектив Ирджи Браздинский уже успел показать себя, и далеко не с лучшей стороны... «Он набросился на нас как бешеный... Доколе будем терпеть?» – спрашивает один из пострадавших. «Доколе?!» – спрашивает и наша газета... Комиссар полиции от беседы с журналистами воздержался, но, судя по его молчанию, он также недоволен действиями своего нового...» Я тупо откинулся на спинку стула и залпом выпил вторую порцию растворимой бурды, незаслуженно носившей в меню название кофе.

Статья про горгулий занимала весь следующий лист. Но если первая пестрела моими фотографиями, скачанными с моей же страницы в «Однокашниках», то вся история с горгулиями была показана в развесёлых комиксах! Развесёлых для читателя, разумеется, значит они доставили мало радости. Карикатурный я стрелял сначала из пистолета, потом из пулемёта, а потом из пушки по невинным детям горгулий, летающим в белых платицах под облаками, а позже уводил их, сбитых и окровавленных, куда-то во тьму. Каково, а?!! «Начальник полиции оставляет эти факты без комментариев». Внизу мелким шрифтом был указан автор статьи – Эльвира Фурье. Отличная фамилия! Идеально подходит для той грязи и лжи, которую она на меня вылила. Я опрометью бросился на работу. Мне казалось, что каждый встречный на улице смотрит на меня со смехом и негодованием...

– Всё-таки у нас маленький городок, а вы умудрились за один вечер стать здесь главной новостью и героем прессы! – спокойно сказал мой начальник, когда я дошёл до участка. Тот же номер утренней газеты лежал у него на столе, раскрытый на нужной странице, он сразу понял, что я уже ознакомился со статьёй. Видимо, мне не удалось скрыть эмоции на лице. –

Ладно, не огорчайся, я тут заказал завтрак в китайской лавочке. Знаю, как кормят в этой гостинице, за один кофе их судить мало.

И, убрав газету в стол, он выставил передо мной пять разных картонных коробочек, испещрённых иероглифами. Содержимое некоторых мне показалось прямо-таки подозрительным. Я оставил себе зелёный чай, рис, а переперченную свинину поспешил отодвинуть в сторону.

– Спасибо, но нет, это вредно.

– Давайте сюда, – кивнул комиссар. – Всё, что вредно, мне полезно.

Я обратил внимание, что у него нечищенные ботинки, а мундир блестит на рукавах, видно, что проводит много времени за столом. Типичный пример провинциального служаки, озабоченного лишь тем, как бы дожить до пенсии и ни с кем не испортить отношения...

– Какое ответственное задание вы мне хотели поручить, месье? – спросил я, зная, что сейчас только работа сможет отвлечь от неприятных мыслей, связанных с началом службы в этом гостеприимном месте.

– Судить конкурс чертенят на городском празднике! – Он важно поднял вверх указательный палец. – Это большая честь. Раньше её доверяли только мне! Собирайтесь, нам пора на кладбище.

С трудом взяв себя в руки, я сказал:

– Признаться, я никогда не видел подобного конкурса.

– Естественно. Ведь у вас в Парижске все юные чертовки ходят в брюках.

– А в чём его суть?

– Идёмте, объясню по дороге. Капрал Фурфур, остаётесь за старшего в отделении!

– Как всегда, шеф, – буднично раздалось из подсобки.

Мы с комиссаром вышли на улицу. То и дело отвечая на приветствия прохожих, мой начальник неспешно расписывал мне предстоящее празднество. Или, по совести говоря, маленький местный междусобойчик...

– Всё очень просто, сержант. Сейчас усядемся на трибуне, поближе к судейскому месту. Потом под музыку пройдут пять самых красивых молоденьких чертовок от семнадцати до двадцати, каждая держит в руке традиционную палку. А наша отчаянная малышня будет пытаться задрать у них подол. самого ловкого чертёнка, который больше всех задерёт юбок и меньше всех словит по башке палкой, ждёт награда от городского совета!

– Э-э-э, вам не кажется, месье, что это несколько... безнравственно, что ли...

– Да ну? – вскинув седые брови, удивился комиссар. – Зато интересно! Ещё мой прадед познакомился так с моей прабабушкой, и они прожили вместе долгие годы...

Я уныло кивнул. В конце концов, не мне рассуждать о морали простонародных традиций. Надеюсь, ничего сложного в выборе наиболее наглого и ловкого чертёнка не будет. Но на деле всё оказалось гораздо труднее. Поверьте, по затрате психической энергии легче поймать десять бандитов-гвантелупцев, которые вечно тащат в нашу страну всякую дрянь вроде кошерного вина, чем судить конкурс чертенят по задиранию юбок. Попробую начать сначала...

Как и гласило прочитанное мною ранее объявление, конкурс проходил на кладбище. Видимо, он имел чётко выраженную возрастную направленность, так как в основном туда спешили старики и подростки. Два десятка малышей, стоя за символическим ленточным ограждением, ждали своего выхода, разминаясь, сядя на шпагат и примеряя на головы мотоциклетные шлемы. Пятёрка чрезвычайно милых юных чертовок в ярких свободных юбках и спортивных футболках, хихикая и перешёптываясь, тусовалась в сторонке. Мы с шефом, мэром и ещё двумя приближёнными лицами были усажены за специальный столик жюри, все прочие зрители, галдя, толпились по обе стороны неширокой ковровой дорожки.

Подразумевалось, что пять претенденток должны неспешно пройти по ней двадцать метров и не позволить ни одному чертёнку задрать себе юбку.

Толпа судачила о прошлых временах, каждый пожилой чёрт кричал, что в своё время именно он и был ежегодным чемпионом деревни по задиранию юбок. А все бабушки-чертовки говорили примерно то же самое... только наоборот.

– Это твоя внучка?

– Да, и с моей палкой. Сколько я ею костей поналомала и рогов поотшибала, у-у-у... Она уже почти лакированная стала.

– А вон те двое мои парни! Второй год по три юбки задирают! Моя школа, все в дедушку...

– Твоя школа? Нет, вы слышали, а?! Да чтоб ты знал, они тренируются у моего сына, а тебя вечно уносили с разбитой башкой и оттоптаннными почками! Вот брехло-то...

– Не брехло он! Фантазёр просто... кажется ему всё... Да и кому бы не казалось, если ещё в детстве столько раз по маковке дубиной огрести. А в прошлом году мой внук победил! Я ему ещё свои старые награды примерить давал...

– Какие награды, старый вун? Да я те, помнится, ещё сорок лет тому назад три ребра палкой прогладила и коленную чашечку размозжила! Эх, где мои семнадцать лет...

За короткое время у меня сложилось стойкое убеждение, что все представители мужской части населения были повальными чемпионами по задиранию юбок, а вся женская половина ни разу не позволила задрать себе юбку, успешно отбиваясь палкой от увечных конкурсантов. Кто же тогда и каким образом мог быть чемпионом, непонятно...

Подумав, я тихо спросил у мэра:

– Вы, вероятно, тоже были чемпионом по задиранию юбок?

– Да! – обрадовался он. – Как вы узнали? Я ведь стараюсь об этом не говорить, положение ко многому обязывает, такое легкомысленное прошлое... Но это было чудеснейшее время! Ни одна из них не могла до меня дотянуться палкой, я ловко ускользал от всех, а задранные мною юбки так и мелькали, так и мелькали... Но смотрите, первая партия!

Выход пяти девушек и чертенят не произвёл на меня ровно никакого впечатления, хотя публика ревела от восторга и азарта. Юбки были задраны всем! Но четверых не самых ловких чертенят унесли с дорожки в полном отрубеве. Я чувствовал себя неудобно, словно находился на узаконенном традициями акте членовредительства. А малыш, умудрившийся задрать аж четыре юбки, приплясывая, спешил к нашему столику...

– Ты герой, – откашлявшись, произнёс я. – Когда вырастешь, приходи к нам в полицию, нам нужны такие отчаянные парни. То есть если вырастешь...

Шеф удовлетворённо кивнул, довольный моей речью, а мэр наградил победителя тяжелой серьгой в ухо в виде перевёрнутой звезды Давида. Она была больше головы чертёнка и висела почти до самой земли, так что он пошёл, прижав голову к плечу, согнувшись набок, но терпя эти неудобства, донельзя гордый собой.

– Таких давали всего четыре, и у меня одна из них, – шепнул мне комиссар со сдержанным достоинством.

Кто бы сомневался в правдивости этого признания.

Меж тем девушки готовились ко второму кругу...

– А сейчас будет конкурс для чертенят постарше. Всех участников обливают водой, чтобы усложнить задачу, – просветил меня мэр. – Все скользят, падают, так куда трудней задрать юбку и увернуться от палки. Начинаем!

И сразу пять-шесть вёдер с водой взметнулись вверх, зрители взвыли от восторга в предвкушении зрелища. Возможно, поэтому на вопли одной полной девушки-участницы не сразу обратили внимание. И только когда она начала кататься по земле, когда резко смолкла музыка, я вскочил с места. Пока шеф пытался меня остановить, пока пользующиеся слу-

чаем чертенята шесть раз подняли ей юбку, пока мне удалось растолкать смеющуюся толпу, бросившись ей на помощь, пока мэр смог навести хоть какое-то подобие порядка, прошло, наверное, минут десять... За это время несчастная потеряла сознание.

– Святая вода, – прорычал я, подхватывая её на руки. Я не мог ошибиться, ожоги были слишком характерными, мне приходилось сталкиваться с подобным на занятиях по криминальной медицине.

Кто мог пронести святую воду на детский конкурс?! За годы службы я, конечно, видел и более страшные вещи, но столкнуться с такой бесцеремонностью здесь, в Мокрых Псах, где по отчётам ничего подобного не случалось, по крайней мере, лет сто... С этим надо будет срочно разобраться, но сейчас надо думать о другом...

– Полиция! Полиция! – закричал кто-то прямо над ухом.

– Спокойно, я полиция, сержант Браздинский. Позовите лучше врача!

Народ продолжал галдеть, праздник был смят, взрослые спешно уводили детей. Я огляделся в поисках шефа, но его рядом не было. Передав бедняжку подоспевшей «скорой помощи», я принял командование на себя, по горячим следам выискивая подозреваемых. И зацепил сразу двоих!

Первым был слепой ветеран последних ангельских войн, кстати, крылатый десант святого Михаила как раз использовал бомбы со святой водой против нашей пехоты. Ветеран что-то поднял с травы и с подозрительно прямой спиной зашел с поля. Пришлось догнать и попросить показать, что у него там. Он возмущался и тряс медалями, но потом признался, что подобрал чей-то упавший сотовый телефон. А когда я начал проверять документы, то при детальном рассмотрении его удостоверение инвалида оказалось фальшивым. Это был не ветеран, а вор и шулер. Пришлось задержать. Я передал его подоспевшему капралу Флевретти, который его не знал («Не из местных, месье!»), и попросил отвести в участок для дальнейшего разбирательства, а сам продолжил поиск.

– Что случилось? – За моей спиной неожиданно возник запыхавшийся шеф.

– Где вы были?

– Да прямо здесь. А что произошло?

Я обрисовал ситуацию. Он взволнованно кивнул.

– Вы что-нибудь видели? Что-нибудь подозрительное? Как это могло случиться? Есть зацепки?

– Пока нет, – вынужденно признал я. – Но мы ищем.

Комиссар снова кивнул:

– Продолжайте.

У него был растерянный и даже слегка напуганный вид. Не думаю, что и я сейчас выглядел лучше.

Вторым подозреваемым был высокий лысый чёрт в форме почтальона, вернее, не совсем подозреваемым, мне показалось необычным только одно – перчатки на руках. Они были тонкие и облегающие, но посреди лета! Это не могло не вызвать вопроса: «Зачем?» Кроме того, я припомнил, что он одним из первых кинулся на помощь девушке и до сих пор находился рядом с ней, кричал и суеился, в общем, всячески мешался под ногами полиции и санитаров. Но намеренно он это делал или из глупости и желания помочь?

Я хотел подойти к нему и задать пару вопросов, но шеф как будто прочитал мои мысли.

– Вы смотрите на руки нашего почтальона месье Сабнака? Ха-ха. Выбросьте из головы. Он у нас со странностями, в любое время года ходит в перчатках, я, собственно, и не припомню, видел ли я его когда-нибудь без них. А ведь он у нас уже два года на почтовой службе.

Девушке тем временем оказали медицинскую помощь. К счастью, ожоги были не такими сильными, какими казались вначале. И тем не менее её всё же пришлось госпитализировать.

зировать. Врачи обещали сделать всё возможное и невозможное. Видя, что «скорая» отъезжает, я задержал их, попросив дать мне одну минуту.

– Только минуту. Состояние очень тяжёлое.

– Вы что-нибудь видели? – спросил я пострадавшую, осторожно взяв её за руку.

Она открыла глаза. Взгляд у неё был как у больной коровы, и такой страдальческий, что сердце сжималось. За все три года полицейской службы я так и не привык к чужой боли. Иногда это очень мешает работе, особенно в ситуациях, подобных этой, когда нужно максимально сохранять отрешённую чёткость мышления. Ужасно злюсь на себя за это. Видимо, настоящим профессионалом мне не стать, не хватает хладнокровия.

Она шмыгнула круглым пяточком, личико перекошилось (но от физических страданий или от душевных?), и покачала головой.

– Я... ничего не помню... я... всё так неожиданно и больно... мама...

– Всё будет хорошо.

Я ободряюще сжал её руку и кивнул санитарам. Они задвинули носилки в машину.

Отходя назад, я с кем-то столкнулся спиной. Ну кто тут лезет под руку?! Я оглянулся, собираясь сделать строгий выговор, и увидел миловидную чертовку лет двадцати трёх, в невероятном мини, с глубоким декольте и с профессиональным фотоаппаратом в руках. Что-то в том, как она отпрянула, показалось мне очень знакомым...

– Вы лезете под санитарную машину, мешаете врачам.

– Я здесь тоже не в куклы играю, – буркнула она в сторону, вжимая голову в плечи и всем видом показывая, что ей крайне некогда.

Ах вот это кто! Ну-у на этот раз я её так не отпущу.

– Это вы за мной следили ночью? Фотографировали и опубликовали эту злобную вымышленную статью? Вы знаете, что вам полагается по закону о клевете? А что сейчас здесь делаете? Ходите за мной по пятам и вновь собираете материал для своих газетных инсинуаций...

– Вот ещё! Сколько вопросов, и все о вас. Я должна написать заметку о празднике. А теперь ещё и об этом... кошмаре!

– Понятно. Только, кажется, в суматохе вы забыли надеть юбку, – фыркнул я. А сам невольно отметил, какие у неё глаза, огромные зелёные озёра, в них целый мир, они так и вытягивают душу.

– Я надела юбку!

– Простите? Задумался...

– Я говорю, что надела юбку!

– Простите ещё раз, я подумал, это просто широкий ремень. Теперь понятно, почему он с бахромой, а то казалось, что просто поистрепался.

– Да, слегка, потому что его носила ещё моя бабушка, – съязвила она. – Тогда и вы простите меня, но я должна делать свою работу. Как и вы свою!

И, перекинув сумочку поудобнее, она решительно зашагала прочь.

– Ваша работа – писать клеветнические статьи на полицию? – повысив голос, поинтересовался я ей вслед.

Она обернулась, её лицо горело возмущением, а глаза-озёра превратились в бушующие океаны.

– Поиск истины. Так же как и у вас.

Я фыркнул. Ну конечно, полиция и журналисты – близнецы-братья...

Мы с капралом оцепили жёлтыми ленточками место преступления. Исследовали его дюйм за дюймом. Но ничего, за что можно было бы сразу зацепиться, не увидели. Вечером я заехал в больницу навестить пострадавшую. Её звали Селия Кадабрус, из северных чертей, крупная девочка.

– Вам точно никто не желал зла? – спросил я, раскрывая блокнот.

– Нет, кажется, никто, – еле слышно пролепетала она. – То есть... я не помню.

– Постарайтесь вспомнить, – мягко попросил я.

– Бабушка мне часто желает, когда я отказываюсь мыть её кошек. Потом ещё сосед как-то пожелал, когда мой Орф его укусил.

– Орф – это кто?

– Моя двухголовая собака.

Я покивал, записал эту скудную информацию и, поблагодарив и пожелав девушке скорейшего выздоровления, попрощался с ней и вышел в коридор.

Там я опять чуть нос к носу не столкнулся с этой эмансипированной журналисткой.

– Мадемуазель, если вы продолжите вмешиваться в нашу работу, я вынужден буду арестовать вас за помехи в деятельности полиции.

– Но все честные черти должны знать правду!

– Преступность от этого не уменьшится, а поимке преступника ваше вмешательство может помешать. Он же тоже читает газеты.

– Вы на самом деле такой грубый солдафон или только притворяетесь? Если дадите интервью, я от вас отстану. – Не дожидаясь моего согласия, она с улыбкой сунула мне под нос микрофон. – Итак, только для наших читателей, сержант Ирджи Браздинский собственной персоной. Вы уже что-нибудь обнаружили?

– Это конфиденциальная информация, и я не уполномочен её разглашать.

– Тогда пара личных вопросов. Вы здесь впервые. И всем интересно узнать о вас побольше. Например, что вы предпочитаете на завтрак, есть ли у вас хобби, что читаете, чем занимаетесь по вечерам?

– Сплю, – сквозь зубы процедил я.

– Спите? Так много? Не верю. – Этот её взгляд... он меня с ума сведёт.

– Здесь в любом случае не место для интервью.

– Отлично, где бы вам было удобно побеседовать с прессой? Надеюсь, не в сауне?

Меня спас врач, молодой вервольф в белом халате, с радостной улыбкой во всё лицо, но такими хорошими зубами и я бы гордился.

– Сержант! Как хорошо, что вы зашли! К нам сегодня поступили с отравлением различной степени тяжести четверо домовых. Мы знаем, что должны сообщать вам о таких случаях. Главврач сделал им промывание желудка, жить будут, но пока все четверо не в лучшей форме. Пройдёте?

Укрытые маленькими одеялками, домовые метались по кровати, стонали и охали.

– Я вижу свет... – дрожащим голосом бормотал вчерашний именинник и вдруг, устремив на меня взгляд загоревшихся глазок-бусинок и протягивая ручки, закричал: – Мамочка! Моя мамочка пришла! Мамочка, я хорошо себя вёл, можно мне на карусели?

– Бредит, ещё одно последствие отравления святой водой, – весело констатировал врач. – Кстати, видимо, эта штука была растворена в обычном русалочьем вине.

– Пожалуйста, мамочка, я хочу в подпол!

Наверное, у меня округлились глаза, и я еле успел отодвинуться, ручки домового схватили воздух вместо моей шеи.

– «Подпол» – это парк развлечений для домовых, в соседнем городке, хорошая находка с названием, кстати. Где ещё домовые могут чувствовать себя так же комфортно, как под полом, где их никто не видит и они могут творить всё что хотят? Эх, завидую я порой их врождённому иммунитету к клаустрофобии.

– Где вы взяли это вино? – спросил я, подсев к одному из «гостей» именинника.

– Кубил у обного збакобого, – быстро проговорил домовый, натянув одеяло по самые глаза.

– Какого? – пытался достучаться до его сознания я.

– Де побью ибя... – испуганно добавил он и закрылся с головой.

– Святая вода вызывает у домовых кроме отравления организма, бреда ещё и... ха-ха... частичную потерю памяти, – прокомментировал врач.

– Кто он? Где и кем работает, тоже не помните? Это важно, – упорствовал я, но он молчал, и мне не удалось стянуть одеяло с головы упрянца.

– У бего сибяя обежба... как у бас, – задумчиво ответил его сосед.

В моём мозгу будто что-то щёлкнуло. «Знакомый» и «одежда как у вас». Наверняка в городе такую одежду носили только трое, включая меня. Неужели отравитель из наших рядов?..

– Ох-ох, бяжко-то как... – застонал домовый.

– Смешные они всё-таки, да? – тепло рассмеялся доктор, обнажая белоснежные клыки.

Я попытался расспросить другого. Но тот только бормотал что-то вроде:

– Бе помдю, бе помдю, ничего бе помдю...

Третий «гость» спал здоровым сном, вывалив синий язык на подушку и пуская пузыри. Будить его было неудобно, я же не зверь. Пришлось задавать дежурные вопросы медицинскому персоналу.

...В участок я вернулся уже затемно. Дверь всё так же громко заскрипела, открываясь. Комиссар Жерар сидел за столом в своём кабинете.

– Завтра в десять у вас лекция в детском саду, выспитесь хорошенько и можете идти прямо туда. Мисс Гадсон будет вас ждать.

– Но, месье, а как же расследование?

– Какое? Ах да, вы про инцидент на празднике. Досадная случайность, только и всего.

Я рассказал ему про домовых, как можно беспечнее добавив:

– Им продал вино некто знакомый, по их словам, в такой же одежде, как и у меня.

При этом я внимательно следил за реакцией шефа. Но если его и взволновали мои слова, то он ничем этого не выдал. Жаль, что здесь не было капрала Флевретти. Я бы хотел видеть и его лицо при этом сообщении. У меня было чувство, что больше такой возможности мне не представится. Тем более что сам начальник выразил нервный скептицизм:

– Да у них галлюцинации! Мало ли чего они могли наглотаться?! Вы поверили словам пьяниц, отравившихся некачественным спиртным?!

– Галлюцинации у домовых как раз и вызываются святой водой. Так говорит врач.

– Покойной ночи, сержант. Что бы это ни было, рабочий день уже закончился, завтра разберёмся.

Я спросил его о «ветеране».

– Мы ничего не нашли на него и отпустили. С подпиской о невыезде, конечно. Ещё раз покойной ночи!

Всю ночь я думал о том, что произошло. Либо мой шеф не хотел раскрытия преступления, либо у него были свои методы. Второе предпочтительнее. Ибо в противном случае мне придётся воевать против своих же, чертей в форме. Уснул поздно, так и не приняв никакого решения...

Утром перед встречей с детьми я надел новую форму. Синий мундир, серебряные пуговицы, жёлтые лампасы. «У него синяя одежда... как у вас». В этом городке такую же носили двое – комиссар Базиликус и капрал Фурфур Флевретти. Допустим, капрал имел алиби, находясь в участке, а шеф? Куда он исчез, когда всё это началось? Неужели...

Вообще-то мне приходилось выступать с лекциями перед студентами. Поэтому встречи с бесенятами в детском саду я, естественно, не боялся. Да и что, собственно, такого у меня могут спросить маленькие дети? Для них уже сам факт появления настоящего полицейского будет сплошным праздником. Если бы я только знал, какой «праздник» меня ожидает...

А ожидала меня классическая детсадовская воспитательница! Упитанная чертовка в большом заляпанном фартуке, неопределённого цвета платье и очках с толстыми стёклами, которые у неё почему-то постоянно падали, стоило ей только наклонить голову. А без них она ничего не видела. Плюс тона на два не совпадающий с цветом волос шиньон, стоптанные домашние шлёпанцы и выбивающиеся из всего этого ужаса эротические колготки из секс-шопа в крупную чёрную сетку, имитирующую колючую проволоку. Когда она гостеприимно распахнула дверь, я с трудом подавил вопль ужаса.

– Э-э-э, мисс Гадсон?

– Оня сямая! Зяходите-зяходите, ми вась дявнё ждём!

Меня повели длинными коридорами, вежливо расписывая всё на ходу с непередаваемым детским сюсюканьем. По-моему, она не меньше своих воспитанников нуждалась в хорошем логопед.

– Тють у нясь спяльня! – сообщила она, открыв дверь в полутёмную комнату с деревянными нарами, набитыми в два этажа. – Тють иглявая.

Мы вошли в довольно большую комнату со вздыбившимся неструганым паркетом, деревянными игрушками, прибитыми к потолку, с тяжёлыми металлическими шарами, осколками кирпичей и битыми бутылками.

В общем, ничего нового. Всё как у меня в детстве.

Потом меня провели в столовую – длинные столы, узкие некрашенные скамьи, металлические миски, алюминиевые кружки, полное отсутствие ложек, вилок и ножей. Правильно, пусть приучаются всё есть руками. Запах плесени, конечно, чувствовался, но умеренно. Всё-таки в детскую пищу добавляют меньше специй, за этим строго следит пищевой контроль.

Пятью минутами позже за те же столы плечистые надзиратели рассадили детей. Домовята, горгулята, чертенята, бесенята, сатирыта. Мне сразу не понравилось выражение их мордашек, они смотрели на меня так, словно сегодня я был их завтраком. Сумрачные мелкие шкеты, отчаянные и не пробиваемые ничем, полностью лишённые любой морали и готовые ради конфеты на любое убийство, даже с отягчающими. «Да уж, детишки, – подумал я, – такие, если нападут ночью сзади, все двадцать два, завалят и освежают, даже пикнуть не успеешь. Наше будущее...»

– Долягие детишечки, сегодня к ням плишёл наш нёвый полицейский. Помощник дяди Желяля, сельжантик Ирджик! Онъ ляскажет вам о слюжбе в полиции. Это осень познавательно, мои птенчики. Вдьог и кого-то из вась ждёт такая же чёйная судьба...

– Э-э-э... здравствуйте, дети, – начал я.

– Здрассте! – нестройным хором откликнулись все.

Причём трое или четверо показали мне в качестве приветствия оттопыренный средний палец. А один демонстративно провёл ребром ладошки по горлу.

– Я сержант Браздинский, можете меня звать пан Ирджи.

– Таких имён не бывает.

– Об этом не тебе судить. Бывает, но не в ваших краях, здесь редки черти-славяне. Итак, мы в полиции патрулируем улицы, следим за порядком в городе, задерживаем преступников.

– А что вы с ними потом делаете?

– Да. Папа говорит, продаёте на органы.

– Нет, – закашлялся я. – Это незаконно.

– Расстреливаете или сдаёте оптом на мяскоколбасный комбинат?

– Нет-нет, мы не...

– А почему нам тогда дают такие невкусные сосиски?!

Вот так они всё время прерывали меня вопросами и репликами, вначале я ещё пытался как-то отвечать, но в конце концов пришлось повысить голос:

– Все вопросы в конце моего доклада! Сейчас говорю я, а вы будьте хорошими детишками и слушайте не перебивая. Договорились?

– Да-а-а-а!

Их хватило ровно на две минуты.

– А у вас есть с собой пистолет?

– ...профилактика правонарушений как неотъемлемая часть нашей работы и...

– А он заряжен?

– ...поэтому арест как таковой является уже крайней мерой, свидетельствующей о недостатке...

– А можно выстрелить?

– ...если вы с детства запомните ряд несложных правил в отношении вас и полицейского лица...

– А сколько преступников вы застрелили?

– Десять! – сорвался я, потому что эти мелкие мерзавцы меня абсолютно не слушали.

– Вы стреляли им прямо в голову?

– Это не имеет никакого отношения к нашему сегодняшнему разговору. Давайте я лучше коротенько расскажу вам об уголовном кодексе...

– А папа говорит, что в полиции служат только воры и взяточники.

– Ну и кто у нас такой умный папа? – не выдержал я. – Адрес, фамилия, должность?!

Я уже больше лаялся с детьми, чем читал лекцию. Воспитательница улыбалась. По её мнению, лекция проходила просто замечательно. Дети задавали столько вопросов. Им явно было интересно.

– А правда, что с нового года вам запретили бить подозреваемых по почкам?

– Правда.

– А если мы не будем спать, нам правда за это дадут десять лет?

– А на сколько нас посадят, если мы отравим мисс Гадсон?

– Не все слязю, не все слязю, детишечки. Надё двать нашему гостю влемя что-нибудь ответить, – с улыбкой поправила воспитательница.

– А у нас сегодня невкусный компот. – Один мальчик встал из-за стола, подошёл ко мне и вылил содержимое своей чашки мне на ботинок. – Видите, какой невкусный.

Я начал терять терпение, стряхнув с ботинка сухофрукты и невольно хватаясь за кобуру.

– Тяк, птенчики мои, встеча с дядей Бладзинским подходить к коньцю. А тепель длжно поплёсим нашего гостя с нями пообедать.

– Да-а!!! – радостно закричали дети.

– Ледкостная дянь, не ешьте, – шёпотом просигналила мне мисс Гадсон. – Плёсто сделяйте видь. Мы все тють так постюпаем.

Начинали, как и положено, с супа. Вернее, с жидкой баланды из кусочков прелой капусты, крупной резаной морковки и грязных очистков свёклы. Витаминаы. Вот это действительно необходимо для детского организма.

Мне, как почётному гостю, плеснули в тарелку первому, но, видимо, молодой бес, который здесь служил поваром, неаккуратно развернул черпак, и одна капля упала мне на ладонь. Боль была такой, что я взвыл!

Все испуганно замерли. Таких воплей в детском саду ещё не слыхали...

– Никому не прикасаться к еде! – Я выхватил пистолет и взял на мушку повара. – Что вы положили в суп?

Притихшие на мгновение дети дружно заорали:

– Пристрели его! Ура! Да! Огонь, батарея, пли-и!!!

Воспитательница пыталась успокоить детей:

– Тихо, мои долягие, слушайте дядю сельжанта, а не тѣ зястявлю вить велѣвки из песка.

Повар начал оправдываться, отступая и теряя очертания, как это происходит от волнения только с бесами:

– Н-нет, я ничего н-не-э делал, начальник... не в теме... м-меня заставили.

– Срочно вызовите комиссию пищевого контроля и позвоните комиссару, – бросил я воспитательнице.

– Э-э-э... дяде Желялю? – испуганно уточнила мисс Гадсон.

– Для меня он не дядя Жерар, а комиссар Базиликус! А ты опусти половник и не шевелись. Одно движение, и я стреляю.

– Стреляет? Он будет стрелять! Стреляй скорей! А можно мы его тоже застрелим?

– Уведите детей в безопасное место, – сквозь зубы приказал я, как только мисс Гадсон доложила, что дозвонилась в участок.

– А как же обед?

– Еда отравлена.

– Они пливыкшие, – снисходительно улыбнулась она.

– Там святая вода!

Воспитательница испуганно ахнула и начала эвакуацию «своих птенчиков». Когда помещение опустело и мы с подозреваемым остались вдвоём, я знаком велел преступному повару сесть и сам, отодвинув стул, уселся напротив.

– Руки на стол перед собой.

Он положил руки, как я велел, и угрюмо притих.

– Намотайте себе на ус: молчание вам не поможет. Сейчас приедут эксперты, и всё выяснится. Когда все доказательства окажутся на бумаге, вас ждёт от десяти до двадцати лет строгого режима.

– Чѣ за кипеж? Д-дело шьѣте, н-на-ачальник?

– Так вы ещё и судимы?!

– Т-так кто ж меня сюда возьмёт и без отсидки? Н-на-а такое место и без т-тюремной рекомендации никак не попадѣшь. Б-было дело, отмотал срок. Только не делал я ничего. В-век воли не видать, п-продукты я не трогал, н-на-ачальник.

– Но суп отравлен!

– Н-ничего не брал. Всѣ л-лучшее детям.

– В каком смысле?

– А в том самом! Суп отравлен, г-говорите? П-правильно, ясен перец! Я что, с-сучара позорная, кормить детей свежими продуктами? Но начальство з-за-аставляет. И так порчу, как могу. С-ставлю на солнце, бью, мну, ч-червей засовываю. А л-лучшие поступившие со склада продукты, с-самые и-испорченные, г-гнилые и пропавшие, сразу забирает директор!

В столовую неспешно вошёл мой начальник. Вид у него был крайне недовольный...

– Что на этот раз, сержант?

Я бегло доложил о произошедшем, продемонстрировал болячий ожог на руке и потребовал, чтобы повар повторил всё ранее сказанное. Шеф слушал молча. Потом устало вздохнул:

– Мы и сами это знаем. Директор – вор, но он удобен мэрии, ничего чрезмерно преступного.

– Поставка некачественных продуктов в детский сад – это полбеды, – вынужденно согласился я. – А как вам святая вода в супе?!

– Свя-а-тая вода! Д-дьявол сохрани! К-как? От-ткуда? Я-то здесь ни при чём.

– Вы один на кухне работаете?

– Д-да-а, с тех пор как уволился м-мой напарник. – И, опережая мой вопрос, повар поспешно добавил: – Абигор Гранат, из Индусии, п-поэзией увлекался, б-было дело, и татуировки колол как б-бог!

Так. Мы пошли по второму кругу, теперь ещё и таинственный напарник с восточным уклоном. Быть может, парень просто пытается отвести от себя подозрения? Но его удивление и даже шок были слишком убедительными. Это может помочь найти истинного виновника.

Шеф равнодушно кивнул, и я продолжил расспросы:

– Так. А кто при чём? Откуда вы брали воду, месье...?

– Стрига. К-ка-ак обычно. Из-з-з-под крана.

– Вы отходили от плиты во время приготовления? Кто-нибудь ещё был рядом?

– Н-нет, после утренней газеты н-никого.

– Никто не заходил на кухню?

– Я н-не видел.

– Вы всё время оставались там?

– Н-нет... я выходил. Д-д-два раза, типа покурить.

– Кто-нибудь мог в это время зайти на кухню?

– Д-думаю, да, ко-о-о-нечно, впо-олне, но т-только кому это нужно? Нач-чальника сегодня нет. А ос-стальные сюда не ходят, ч-чтобы я посуду не попросил помыть.

– Как это ни странно, кому-то было нужно. – Я саркастично рассмеялся.

Комиссар Жерар смерил меня укоризненным взглядом.

– Ещё при-и-их-ходил сантехник, труба протекала, – поспешно проговорил повар.

– Что же вы сразу о нём не сказали?!

– З-забыл, начальник.

– Может, ещё кого забыли?

– М-может, и забыл...

– Я должен вас обыскать, месье Стрига.

– Ну ш-шм-монайте, волки позорные, – хмуро согласился он.

Обыск ничего не дал. В принципе я и не особо на это рассчитывал. Прибыли специалисты из пищевой комиссии. Два сатира в белых халатах с прорезями для хвостов, они еле стояли на ногах, до того были пьяны. Но это нормальное состояние для сатира, их на работу трезвыми просто не выпускают. Если вы увидите непьяного сатира, то насторожитесь, потому что либо он тяжело болен, либо это принявший облик сатира инкуб. Инкубам внешность сатиров почему-то кажется более привлекательной для соблазнения женщин, чем их собственная, и они считают, что козьи ноги сатиров стройнее их собственных козлиных ног. Сатиры забрали бидон супа на проверку и, пошатываясь, направились к выходу.

– Постойте, где здесь в городе можно достать святую воду? – спросил я у них.

Один из них обернулся и попытался сфокусировать на мне мутный взгляд водянистых глаз.

– У те-я такой резкий... голос, брат, тих, тсс... – склонив голову набок и страдальчески скривив лицо, попросил он. – А т-ты что-т сказал? Я не понял.

Я повторил свой вопрос, терпеливо разделяя слова.

– В гр-ской лаб-р-тории, – засияв, ответил второй, махнул рукой и, развернувшись на одном копыте, попытался выйти в дверь, ударился рогами об косяк, захихикал и со второй попытки, подталкиваемый в спину коллегой, наконец благополучно вышел.

Я не опасался, что они прольют бидон на себя или на кого-то ещё. Сатиры – профессионалы в пищевой экспертизе, лучшие в своём роде. Так же как профессию пожарного обычно выбирают саламандры (как это ни парадоксально), дворниками поколениями предпочитают работать домовые, а в полицейские, как вы уже поняли, обычно идут черти, реже вампиры. У последних хороший нюх на всё, что пахнет кровью, и они превосходные ищейки. А расследование ведём обычно мы, черти, у нас мозги будто специально устроены для этой работы, к тому же мы обладаем врождённым стремлением к порядку, дисциплине, да и дерёмся как черти.

– Что это за лаборатория? – поинтересовался я на выходе из детского сада, шагая рядом с шефом.

Повара мы отпустили, взяв у него всё ту же подписку о невыезде. Только в учреждении для малолеток ему до конца следствия не работать. Рисковать детьми мы не будем.

– В медицинском центре. Вон тот дом в конце улицы. Выясните всё сами. Я знаю, что могу на вас положиться, сержант. А мне надо идти, дела-дела...

В лаборатории в этот день находились только две сотрудницы – рыжеволосые дриады с веснушками во всё лицо. Судя по тому, что они были копиями друг друга, родились они от одного дерева. И звали их похоже – Ива и Ава. Бутыль со святой водой для медицинских целей была запечатана, и печать была на месте.

– Мы её ещё не вскрывали. У нас был запас.

– Кто вам доставляет воду? – спросил я.

– Почтовая служба.

– Когда вы её получили?

– На прошлой неделе.

– Да, в прошлый четверг, – уточнила Ава.

– Или в пятницу.

– В четверг, я точно помню!

– Действительно, – тонко улыбнулась Ива, – ведь ты же её принимала.

– Я?!

– А кто, я, что ли?!!

– Чтобы проверить ваши путанные показания, – вмешался я, – мне придётся вас обыскать.

– Вы не имеете права!

– Обыщите её первой!

– Нет, её, она вечно от меня что-то скрывает!

Я устало вздохнул и приступил к делу. На первый взгляд ничего подозрительного, но в сумочках у обеих нашлась одна интересная вещь – фотография капрала Фурфура Флевретти с отпечатками поцелуев и нарисованными сердечками. Этот апатичный серый тип – местный похититель сердец? Воистину мир женщин непознаваем! Хотя, с другой стороны, если у него роман с обеими близняшками, значит, он в любой момент мог забежать к ним на дежурство и под любым предлогом отлить в пузырёк немного святой воды? Не знаю, не знаю... Это вполне могло иметь место, и всё-таки с флегматичной мордой капрала такое продуманное преступление как-то не вязалось...

– Кажется, мне надо допросить и вашего друга капрала Флевретти.

– Ой, нет-нет-нет! – в один голос закричали они.

– Тогда с этого момента только правду. Кто-нибудь вскрывал пломбу на бидоне со святой водой и запечатывал его снова?

– Не знаю, – испуганно сказала Ава или Ива. Я в них уже запутался.

– Не знаю, – повторила её сестра. – Честно-честно.

– Хорошо, – вздохнул я, недоумение в их глазах было слишком натуральным. – Тогда это всё.

К концу рабочего дня я чувствовал, что сегодня мне надо выпить. Паб, в который я зашёл, был гордостью местной пивной индустрии. На стенах висели череп волка-оборотня, чучело вымирающего грифона, шкура единорога и ржавые кандалы, узор на вентиляционной решётке изображал мучения грешников в аду, в витрине на всеобщее обозрение был выставлен набор знаменитого маньяка-проктолога, а над камином прибиты два настоящих крыла ангела. Самые редкие охотничьи трофеи...

Я попробовал местное пиво, которое рекомендовал комиссар. Оно оказалось приятно-кислым на вкус, и неповторимый клоповный аромат ничуть его не портит.

Рядом за стойку подсела та самая зеленоглазая журналистка в мини.

– Могу я выпить кружку пива, чтобы это не появилось в завтрашней прессе? – ровно спросил я, глядя перед собой.

– Ну конечно. Обещаю, что о пиве писать не буду, – сказала она, тоже не поворачиваясь ко мне, а с притворным интересом рассматривая ряды бутылок за спиной горбатого бармена-клюйркона.

– Уже спасибо.

Она помолчала, но я знал, что покоя от неё не дождёшься.

– Как прикажете к вам обращаться, сержант-месье-господин-сэр?

– Вообще-то мне привычней пан. Я всё-таки из Полякии.

– А я-то думала, почему вы такой высокий.

– Да, – кивнул я, – поляцкие черти обычно выше и крепче ваших островных, Эльвира.

– Надо же, вы запомнили моё имя. В газете прочли?

– Под статьёй. О том, как я измывался над бедными домовыми и стрелял в горгулий.

– Да ладно вам, это моя работа. Лично я ничего против вас не имею. У меня начальник очень любит жареные факты и, если я пишу что-то нескандальное, грозитя уволить.

– Бывает. Мой шеф тоже не самый обаятельный тип, – соврал я, однако неприязнь ушла, и я даже, кажется, начал испытывать к ней какие-то чертячи чувства.

– Так я могу угостить вас пивом в знак временного перемирия?

– Если только это не будет истолковано как взятка офицеру полиции.

– А вы тоже угостите меня, и будем считать это подкупом свободной прессы, – улыбнулась она.

За разговором мы и не заметили, как перешли на «ты». Потом пересели за отдельный столик и скоро болтали и смеялись так, будто были знакомы всю жизнь. Эльвира оказалась очень умной и образованной девушкой, я давно не получал такого удовольствия от обычной беседы.

Часа через три я расплатился и проводил её до дома. Мы попрощались сдержанно, ни о чём не договариваясь, но я был уверен, что завтра вновь увижу её в том же пабе. И более того, я очень на это надеялся...

Следующим утром, придя на работу, я увидел, что комиссар опередил меня. Но сегодня он встретил меня без улыбки, только, сумрачно взглянув исподлобья, буркнул:

– Приветствую, сержант.

– Доброе утро, месье.

– Ещё какое доброе. Смотрите, что я получил сегодня. Подтверждение из пищевого контроля, что в супе, взятом ими на экспертизу, действительно содержится святая вода.

– Значит, мы идём по верному следу. Я прошу разрешения допросить сантехника, который приходил в тот день на кухню чинить трубу.

– Сначала полюбуйтесь на это...

Он протянул мне жалобу, подписанную комитетом матерей спиногрызов из детского сада. Письмо было обвинительного тона. А что хуже всего – обвиняли меня.

«До приезда пана Браздинского мы жили мирно и спокойно и могли не бояться за наших детей, а теперь везде, где он только появляется, случаются эти страшные происшествия, могли пострадать наши дети, только чудо их спасло. Мы не утверждаем, что именно он совершил эти ужасные преступления, но он вызывает несчастья на наш город. Избавьтесь от него, месье Базиликус, спасите нас и наших детей, пока не поздно. С уважением...» Угу... так... список из тридцати девяти имён.

– Они в чём-то правы. С вашим приездом у нас началась вся эта катавасия.

– Вы называете катавасией спланированные покушения на жизнь граждан вашего города?!

– Пока это бездоказательно, – благодушно отмахнулся шеф. – Конечно, я вас хорошо понимаю, вы у себя в столице привыкли видеть на каждом шагу убийства, покушения, грабёж. Но здесь этого не происходит. Я навскидку назову сотню причин, почему святая вода случайно, подчёркиваю, случайно попала в суп.

– И в вино, и в ведро с водой на празднике задиранья юбок?

– Ну-у... да.

– Почему вы в этом так уверены?!

– Потому, мальчик мой, что у меня за плечами опыт и я знаю, когда не стоит хвататься за пистолет и размахивать служебным удостоверением. Я не суеверен, но, может быть, местные жители не так уж неправы. И вы действительно привезли сюда с собой что-то нехорошее, потому что до вашего приезда у нас была тишь да благодать. Проверьте отчёты!

Дьявол, его упёртость ничем не прошибёшь. Я ещё раз подумал о том, что ничего хорошего мне здесь и вправду не светит, вздохнул и сказал:

– Комиссар, я думаю, что мой долг подать рапорт и покинуть округ Дог'ре.

Теперь я понял, что это решение зрело во мне со дня приезда. Мокрые Псы чужое для меня место. Я никогда не почувствую себя здесь дома.

– Может, не надо рубить сплеча?

– Так будет лучше, вы сами это знаете. Из-за меня отравились домовые, я сразу должен был изъять бутылки с вином на экспертизу.

– Но откуда вы могли знать, сержант?! Глупости.

– Я проявил некомпетентность. Попросите прислать на моё место кого-нибудь более... подходящего к службе в городке, где не бывает преступлений. И если позволите... я не хочу тянуть с этим. Тем более что работы для меня всё равно нет. Если всё, что было, – случайности и настоящего криминала здесь нет.

– Как хотите, гнать не буду, но и силой удерживать не могу.

– Что, уходит? – раздалось из комнатки капрала. – Жаль, хороший был парень, третий за год...

Я рассеянно кивнул и быстро вышел. Сбор вещей много времени не занял. У меня их и было-то на один маленький чемодан. Пожалуй, вполне можно успеть на двухчасовой поезд до Парижска. Когда я вышел на перрон, Эльвира уже стояла там. Да уж, похоже, новости здесь распространяются быстрее молнии архангела...

– Не уезжай.

– Как ты узнала? Опять следила?

– Да, – просто призналась она.

Я не удержался от улыбки, такое у неё было бесхитростное выражение лица. Она улыбнулась в ответ, но тут же снова нахмурилась:

– Зачем?

– Я должен уехать, я больше здесь не останусь.

Мы сели на скамейку. Оба не знали, о чём говорить дальше.

– Поезд через пятнадцать минут, мне ещё надо купить билет в кассе.

– Успеется. Посмотри, вот у меня, например, хвост простонародный, толстый, с проплешинами, и нос не пяточковый. Вот, – она гордо повернулась в профиль, – он аристократический, почти как у тебя. Местный маркиз отметился по всей округе когда-то, и нос мне, видимо, достался от прабабушки. А теперь ты.

– Что – я?

– Расскажи всё. Обещаю, что ни слова не просочится на страницы нашей газеты.

– Почему нет? – Я пожал плечами и расслабился. – Но это очень короткий рассказ.

– Вот и уложишься до поезда.

Я уложился в пять минут. Полицейские умеют говорить коротко, сжато и по существу. Эльвира слушала молча. Когда я закончил, она лишь напряжённо сжала губы. Значит, и она не верила мне ни на йоту. Мне ничего не оставалось, как встать со скамьи.

– Мне пора.

– И что, ты как трус всё бросишь и уедешь? А как же дети, все жители нашего города?

– Комиссар считает всё произошедшее случайностью.

– А как считаешь ты?

– Почему ваш городок так странно называется, Мокрые Псы? – вместо ответа спросил я.

– Это старая легенда. – Она пожала плечами. – Давным-давно здесь в каменоломнях среди других рабов трудился один чёрт. Его называли Мокрый Пёс. За его патологическую трусость. Пятнадцать лет он дробил камни и таскал их в деревянной тележке. И все пятнадцать лет надсмотрщики измывались над ним больше, чем над остальными. Не знаю уж, что в нём им так не нравилось. Но как бы то ни было, в конце концов он не выдержал, разозлился на своих угнетателей и в нахлынувшем на него бесстрашии разметал всех и освободил рабов. Потом его выбрали правителем города, и, когда он на пятом году правления погиб от случайной чёрной стрелы, из него сделали чучело, которое теперь стоит у нас в музее. Знаешь, а ты на него похож...

Похож на чучело трусливого местного псевдогероя? Отлично, просто отлично. Вот, значит, как она обо мне думает...

– Ну что, ты в кассу?

– Нет, я останусь. Пока не найду виновного. – Я даже не успел опомниться, как она бросилась мне на шею, быстро поцеловала в щёку и, не оборачиваясь, убежала вниз по аллее.

Когда я вернулся в участок, шеф всё так же сидел за своим столом. На моё возвращение он отреагировал задумчивым наклоном старых рогов и сказал:

– Это писал кто-то один и тот же, но разными пастами.

– Вы уверены? – наклонился я.

– У нас матери не носят в сумках ручки с зелёной пастой, вообще, редкая сельская женщина имеет привычку таскать в сумке ручку. А на собрании они обычно расписываются одним пером. Тот, кто писал эту подделку, специально пользовался разными пастами, надеясь нас обмануть, что и почерк разный. К тому же мадам Карякуль и мадемуазель Куркуль никогда не подпишут один и тот же документ. Они старые соседки, люто ненавидят друг друга и пребывают в вечной вражде. Преступник этого не учёл.

– Вы думаете всё же, что мы имеем дело с преступником, а не с обычным клеветником?

– Возможно, друг мой, вполне возможно. Я не дам вам ордера на арест сантехника, но побеседовать с ним стоит. Капрал Флевретти, вы вызвали подозреваемого?

– Обещался быть с минуты на минуту, месье! Я звонил ему, сказал, что у нас в участке прорыв канализации...

– Отлично, не придётся топтаться по улице.

Я удовлетворённо расправил плечи. Но, увы, забегая вперёд, скажу, что допрос сантехника ничего не дал. Он на самом деле заходил на пять минут в детский сад, но не на кухню, а к директору, расписывался в ведомости оплаты за экстренный ремонт трубы в котельной. К тому же во время праздника юбок он вообще отсутствовал в городе. Комиссар развёл руками, никаких улик на честного работягу у нас не было. Остаток дня пришлось посвятить отчётам, писанины у нас хватает.

Вечером, когда я вернулся в гостиницу и уже поднимался по лестнице в свой номер, меня окликнули.

– Месье Браздинский, это вам. – Пожилая нимфа на рецепции протягивала мне письмо.

Удивлённо обернувшись, я взял конверт. На нём было только моё имя, отпечатанное на машинке. У меня засосало под ложечкой в остром предчувствии чего-то нехорошего.

– Кто его принёс?

– Не знаю, просунули под дверь.

С как можно более беспечной улыбкой поблагодарив любезную женщину, я открыл конверт. «Вы слишком далеко зашли, Ирджи Браздинский. Если хотите снова увидеть вашу подружку, приходите в заброшенную шахту сегодня в десять вечера. Само собой, один и без оружия. Если условия не будут соблюдены, пеняйте на себя». Письмо было составлено из букв, вырезанных из газеты. Я сразу узнал готический шрифт «Дьявольских вестей Дог'ре». Ноги сами развернули меня к выходу.

– Что-то важное? – спросила вслед любопытная администраторша.

– Да, тётя оставила мне яхту в наследство. Нужно срочно утвердить на неё права.

Быстрым шагом я направился в полицию. Перекинувшись парой фраз с вечно дежурящим капралом (комиссар уже ушёл домой), я сообщил, что хочу посидеть над материалами дела, и углубился в бумаги.

В моих отчётах должны быть какие-то зацепки, улики, связующие моменты, мимо которых я прошёл не заметив. А кто-то заметил. И решил нанести упреждающий удар. Этот кто-то знал, что я собираюсь уехать, знал, что я вернулся, знал, что мы общаемся с Эльвирой, он знал обо мне – всё!

И я узнаю о нём всё, сегодня же вечером. Конечно, идти туда одному, никому не сказав, глупо, но кому теперь здесь можно доверять? Ни к комиссару, ни к капралу обращаться я не рискнул, это было слишком опасно, а больше я никого толком узнать не успел. Разве что двинуть напрямую к мэру.

– Вы так себе все глаза протрёте, месье. Сколько можно перечитывать одно и то же? Идите-ка лучше жажните кружечку пива в пабе. Кажись, вам там понравилось вчера, – подмигнул заглянувший ко мне Флевретти.

Проблема маленького городка, ничто ни от кого не скроется.

– А сколько сейчас времени?

– Уже полдевятого.

Я закрыл глаза и ровно минуту просидел неподвижно. Всё. Теперь я знал, кто это. Открыв городской справочник, лежавший на столе, я полистал страницы, нашёл нужный адрес и отправился по нему. На стук открыла жена, милейшая женщина, и сказала, что мужа нет дома, что он ещё не приходил с работы. Это была последняя проверка...

Теперь мне стало окончательно ясно, что в назначенное место пойду один, я не мог riskовать Эльвирой. Хотя, возможно, я совершал ужасную ошибку. Но я привык доверять своей интуиции. А сейчас она говорила мне, что лучше всё-таки идти одному. На улице первый же встречный легко объяснил мне, как добраться до старой шахты за городом. Раньше там добывали камень, теперь всё давно закрыто, месторождение считается заброшенным. Лучшее место для сведения счётов...

Без пятнадцати десять я стоял у входа в шахту.

– Заходи, сержант! Я видел, что ты один, – раздалось откуда-то из темноты.

Я толкнул старую дверь. Земляные стоптанные ступени вели вниз, к брезжущему свету. Туннель вывел меня в довольно обширное рабочее помещение. Горели три шахтёрские лампы, и при их тусклом свете моему взору открылась страшная картина...

Над большим ржавым поддоном с водой, связанная, с кляпом во рту стояла встрёпанная журналистка. Что это за вода, к моему ужасу, сомневаться не приходилось. Один лёгкий пинок под колени, и она рухнет! Конец верёвки уходил во мрак, но я был уверен, что его держал тот, кого я ищу.

– Выходите, месье Сабнак!

В ответ раздался мерзкий хохот, и почтальон вышел на свет. Он двигался извиваясь, как будто был без костей, худосочный до крайности, с презрительной ухмылочкой на губах. В руках он держал пистолет, нервно нацеленный на меня.

– Увидев тебя на празднике, я сразу понял, что от этого сержанта придётся избавиться, вам, городским, нельзя доверять.

– Правильно. Жаль, что я не допросил вас там же, может, вы бы уже сидели в следственном изоляторе.

– Ты бы меня не раскрыл.

– Повар говорил, что никого не видел после утренней газеты, но это значит, что утреннюю газету принёс почтальон. А в лаборатории даже поверхностный осмотр бутылки показал, что печать была вскрыта и тщательно запечатана заново. Домовой вспомнил, что форма продавшего ему вино знакомого выглядит как моя. Как я не подумал сразу о вашей форме, она очень похожа на полицейскую... И цветом, и фасоном, и даже пуговицы такие же серебряные. Получив на почте бутылку со святой водой, вы вскрыли печать, разбавили воду, отлив себе некоторое количество, и запечатали снова. Ведь святая вода не теряет и не меняет своих свойств даже при разбавлении один к девяти. Без специального спектрального анализа установить факт её разбавления вообще невозможно.

– И почему же ты меня не задержал? – осклабился он.

– Я делаю это сейчас. Вы арестованы, месье Сабнак.

– Ну да, – расхохотался почтальон. – А если я тебя просто застрелю? Все думают, что ты уехал...

– Я вернулся и постарался засветиться во всех местах – в отеле, в участке, даже у вашей жены. К тому же мой отчёт о вашем участии уже лежит на столе у комиссара Жерара.

– Это так, комиссар?

За моей спиной бесшумно спускался шеф. Он тоже наставил на меня пистолет.

– Простите, сержант. Я понимаю, что вы потрясены моим появлением. Но я раньше вас понял, кто за всем этим стоит. Оставалось лишь встретиться и поговорить с нашим дорогим другом. – Он кивнул на ухмыляющегося Сабнака. – И он предложил мне весьма внушительную долю в своём проекте. А наша пенсия по выслуге лет не так велика...

– Мы объявили о том, что дети серьёзно пострадали, хотя все они целёхоньки. Министерство здравоохранения направит на лечение детишек кругленькую сумму! Естественно, я как почтальон должен получить её и направить адресату, а начальник полиции вместе с мэром отчитается в расходе полученных средств. И то и другое, как вы поняли, не доставит нам особой сложности. Так, Жерар?

– Конечно, Гуго. Наш мэр добряк и редко смотрит на то, что подписывает.

– Хочешь ещё что-то сказать перед смертью, сержант?

– Неужели вы всё это затеяли только ради денег? – не поверил я.

– Конечно, ради них! Вы знаете, сколько получает почтальон в этом занюханном городишке?! О, я давно искал возможность заставить кого-нибудь раскошелиться. Мэр сам небогат, бизнеса в городке почти нет, оставалось нажать на министерство. Они любят помогать

маленьким детям из провинции. Это повышает их рейтинг в стране. А с вами мы вынуждены попрощаться. Как и с мадемуазель Фурье...

– Нет, Гуго, мы договорились, что он мой! А девушка... забирай её.

Почтальон вновь лающе расхохотался и повернулся к Эльвире. В тот же миг шеф незаметно подмигнул мне, я кивнул и опустился на одно колено, освобождая ему прицел. Грохнул выстрел! Сабнак изумлённо поднял к глазам простреленную кисть собственной руки, пистолет упал наземь.

Я бросился вперёд и, в четыре огромных прыжка встав меж Эльвирой и поддоном, заслонил её от святой воды. Мой начальник, пыхтя, обошёл нас, в два удара свалил скулящего почтальона и защёлкнул на нём наручники. Я тем временем освободил девушку от половины пут и вытащил кляп.

– Ты в порядке?

Она молча закивала, её душили обида и негодование.

– А теперь ещё один выстрел, и я мог бы избавиться сразу от двух свидетелей. Шутка, – улыбнулся нам шеф, помогая мне удержать зарывавшую Эльвиру.

– Скотина, он заманил меня сюда! Он сказал, что ты меня здесь ждёшь, чтобы сообщить что-то важное. А потом... ударил по голове и...

– Идиоты... у меня бы всё получилось, если бы не... Ты меня предал, Жерар!

– А ты так легко поверил в мою продажность? – Голос комиссара посуровел. – Ты у нас всего-то два года, а я здесь родился, и предки мои, и предки предков. Дурак ты, Сабнак...

Часом позже, посадив перевязанного и ругающегося почтальона под замок, мы все, вместе с капралом Фурфуром, сидели в участке, распивая бутылку креплёного вина, которую шеф достал из шкафа для вещдоков.

– Думаю, что должен объяснить ещё кое-какие неясные детали. Я, конечно, долго не мог поверить, действительно надеялся до последнего, что всё это только ужасная цепь случайностей, ведь мы здесь не привыкли к преступлениям. Но в то же время я не мог не замечать фактов, и это во многом благодаря вашей въедливости, сержант Браздинский. Вы обратили внимание на перчатки, потом на сходство мундиров, а дальше уже пошли мои умозаключения. В отличие от вас, я-то точно знал, что невиновен, и никогда бы не поверил в виновность Фурфура. Тогда я и начал подозревать Сабнака. Как сотрудник почты он имел возможность вскрыть ёмкость со святой водой, а нужную степень концентрации проверял опытным путём на девушке и домовых. Но прямых доказательств против него не было. Тогда я пошёл с ним на сговор, он мне не сразу, но поверил. Я был ему нужен...

– Но как он смог добавить святую воду в суп в детском саду?

– Легко. Принёс утром почту и незаметно влил в кастрюлю, когда повар вышел за сигаретами. Он просто подкараулил момент, зная привычки Стриги, тот всегда, поставив кастрюлю на плиту и побросав в неё основные ингредиенты, бежит покурить.

– А где вы всё-таки были во время конкурса?

– Китайская пища не всегда полезна для моего желудка, мне было просто неудобно говорить, куда я отходил.

– И кто бы подумал, что комиссар у нас такой деликатный? – рассмеялась Эльвира.

– Но свиное кунг-пао такое вкусное, не говорите мне, что я должен от него отказаться!

– Не будем, – улыбнулась героическая журналистка и обернулась ко мне. Эти её огромные зелёные глаза опять вынимали из меня душу. – Теперь ты не уедешь?

– Нет, мне здесь нравится, – признался я. – И, месье, простите, что пошёл один, ничего не сказав ни вам, ни капралу Флевретти.

– Я не в претензии, – хмыкнул Фурфур. – Всё равно бы не пошёл, люблю сидячую работу. А у вас там вроде стрельба была, драка, заварушка. Нет уж, ничего не имею против, что меня не пригласили, вы уж как-нибудь сами...

– Но ведь и я тоже вам не доверял, сержант. Поэтому и устроил эту маленькую игру. Хотел знать, не струсите ли вы под дулами двух пистолетов сразу? – рассмеялся старый Жерар. – Однако сегодня вы делом доказали право служить в полиции Мокрых Псов. Думаю, мы сработаемся.

– Так точно, месье!

Глава 2

Дело о лайнере вампиров

Вот уже две недели, как я был переведён из столицы и теперь служу в окружной полиции маленького провинциального городка Мокрые Псы. Первое время хотелось застрелиться от скуки и безысходности, но сейчас начинаю понимать, что здесь не так уж и плохо. Честное слово...

Незагазованный воздух, минимум автомобилей, незатейливые жители, простая еда и в целом всё как-то ближе к природе. Вроде как если бы первые поселения чертей на нашей планете всё ещё сохраняли свою наивную девственность. Недавнюю службу в столице я вспоминал уже как вчерашний сон, и меня уже не тянуло туда так, как вначале. А может, и не тянуло вообще. Что-то во мне изменилось, и новое место работы определённо начинало нравиться. Я даже свои записи стал вести более размеренно, художественно расписывая все детали...

Быть может, виной всему этому чудесная погода, золотая пора ранней осени? Солнце вечно прячется за тучами, светлеет поздно, темнеет рано, притом никакой сырости в воздухе, и дышится легко. Не знаю, как такое получается, наверняка дело в особенностях местного климата. Но ведь не всё определяется только им. Не меньшее значение имело и моё здешнее окружение...

Как упоительно бодрит простодушное невнимание шефа полиции Жерара Базиликуса, всегда вежливо, по нескольку раз на день хмурящегося в мою сторону. Кто знает зачем и почему? Спросить прямо – неудобно, он всё-таки мой начальник. Но я сразу собираюсь, вспоминаю, где и чего недоделал, а в результате рабочий день пролетает незаметно, оставляя хороший задел на завтра!

А чего стоят вечно зелёные глаза обаятельной Эльвиры? Это моя самая сокровенная тайна, нам ведь нельзя открыто проявлять чувств, ибо служба... Но, положив руку на сердце, не из-за неё ли я, собственно, остался здесь, хотя рапорт о переводе в ещё более дальнюю глушь только приветствовался бы нашим руководством. Хороших полицейских всегда не хватает, а уж выпускники столичной академии – вообще на вес золота. Но я остался в Мокрых Псах. И ничуть об этом не жалею!

Мне почти удалось привыкнуть к пристальному вниманию со стороны горожан и нехорошим взглядам, которыми одаривала меня каждая проходящая чертовка. Причём вне зависимости от возраста! В этом городке зачастую дряхлые бабульки с некупированными хвостами давали фору молодым. Не могу сказать, что это совсем меня не радовало.

– Мама-мама, а этот... этот подлиейский... он бил нас в садике! – радостно кричал мне вслед какой-нибудь малыш, от эмоций глотая слова, и его мама награждала меня злобной улыбкой и грозила кулаком. А на лбу было крупными буквами написано, что муж в командировке, ребёнка она уложит пораньше и свободна на всё что заблагорассудится. Приятно? Конечно, приятно!

И кстати, капрал Флевретти этим беззастенчиво пользуется. Я – нет, у меня было строгое воспитание, папа, капитан полиции, неустанно бдил за сыном, а мама, заставляя меня читать книги, между тем строго следила за подбором литературы. То есть о существовании таких развращающих книг, как «Люди – миф или фигня?», «Загляни бабушке под...» и печально знаменитой «У моего Билли есть ещё большая хреновина!», я узнал лишь от товарищей по полицейской академии. И до сих пор благодарен за это родителям...

После раскрытия дела о маньяке святой воды, как мы окрестили его в отчёте, ко мне, конечно, начали относиться получше, но само понятие «получше» у нас, чертей, тоже весьма

своеобразно. И иногда его легко перепутать с «похуже». Одобрение может выражаться и тычком в бок, которым, злорадно улыбаясь, вас награждает случайный прохожий, и подножкой, и тысячей других мелких пакостей, которые могут навредить здоровью, а при невезении и жизни, но суть парадокса, что всё это на самом деле знаки искреннего дружеского расположения!

Я по-прежнему жил в гостинице «Рога под нимбом», но теперь муниципалитет снял мне более дорогой номер с небольшой комнатой отдыха, где стоял письменный стол, кресло и даже был проведён бесплатный Интернет. Совершенно необходимая вещь для каждого полицейского детектива, ибо художественное писание отчётов, по-моему, занимает меньшую часть нашего времени, чем само расследование.

Целую неделю после того, как мы арестовали злодейского маньяка-почтальона, я был завален этой нудной бумажной рутинной. Кто не представляет себе, что это такое, лучше и не представлять вообще. Задержать преступника – только полдела, куда сложнее подготовить на него всю отчётность, доказательную базу, кучу бумаг, подтверждений, экспертиз, улик и результатов анализов. Иногда просто зашиваешься, а когда наконец свалишь всю бумажную гору с плеч, наступает рутина и скука...

И вот в последние два дня от безделья на меня навалилась такая дикая тоска, что я наконец решился сам позвонить Эльвире, от которой давненько не было вестей, и пригласить её на кофе с драконьим молоком¹. Разумеется, она меня предупреждала, что всю неделю пашет в редакции без продыху, все газеты округа и даже столицы требовали от неё интервью как невинной жертвы и прямой участницы ужасных событий. Но всё равно я на каком-то этапе думал, что интересен ей не только как объект журналистского расследования, но и что у неё ко мне нечто большее... даже личное...

Нет? Уже и не знаю. К сожалению, женщины не поддаются логике штатного полицейского детектива. Но если честно, то я надеялся, что, возможно, она сама мне позвонит. В смысле позвонит первой! Это свидетельствовало бы о том, что она действительно ко мне неравнодушна.

Но дни летели за днями, сотовый телефон мрачно молчал, и наступить на горло собственной гордости я решился довольно быстро...

– Э-э, недобрый день! Я вот решил...

– Привет, герой!

У меня почти пропало дыхание от радости слышать её мелодичный голос, мягкий, завораживающий, с чуть заметной интимной хрипотцой. И она, похоже, тоже была рада моему звонку. Но на предложение о встрече с сожалением ответила, что сегодня никак, она обещала после работы помочь маме отмыть трёх младших братьев.

– Ты же знаешь, как чертенята любят валяться в мазутных лужах. Так что, увы, но это на весь вечер.

– Тогда, может, завтра? – с надеждой спросил я.

– Завтра я должна подготовить всё к сдаче нового выпуска, из-за отъезда больше некогда будет это сделать. Обещала шефу, что успею, хоть кровь из носа.

– Какого отъезда? – не понял я.

– А я тебе не говорила? О, извини. Я еду освещать конференцию вампиров и упырей по вопросам искусственного питания. Да, понимаю, жуткая мутотень, но кто-то же должен...

– Нет-нет, что ты, это очень даже интересно, – торопливо возразил я. – Так они уже научились чем-то заменять крысиную кровь? Мне приходилось что-то об этом читать...

¹ Конечно, это всего лишь название молока, к тому же не настоящего, а растительного происхождения.

– Да, растительный аналог создан давным-давно, но споры до сих пор не утихают. Традиционалисты не соглашаются пить кровь из сои. Многие кричат, что для их организма она совершенно не годится и, более того, ведёт к преждевременному старению.

– Точно, – припомнил я. – У вампиров какой-то пунктик насчёт этой вечной молодости...

– Именно, хотя сейчас всё больше подтверждений, что большинство вампиров, которые особенно возмущались, на самом деле прекрасно её усваивают и насыщаются субпродуктом. Просто никто не хочет полностью переходить на сою, ведь главный кайф они испытывают не столько от вкуса крови, сколько от способа её добычи – убийства живой плоти!

– Да уж, от убийства соевых бобов столько удовольствия не получишь, – согласился я.

Эльвира неодобрительно пощёлкала языком. Знаю, она не приветствовала убийство крыс, кровью которых традиционно питаются наши вампиры, потому что выросла на крысоферме и заботилась о питомцах как о близких родственниках. Хотя любимым блюдом у неё до сих пор оставалось жаркое из крыс-двухлеток. Разговор постепенно перешёл на другие темы, и, поболтав ещё минут пятнадцать, мы ровно попрощались, традиционно желая друг другу покойной ночи. В смысле сна, крепкого, как у покойника...

Вот, собственно, и вся любовь. Я ведь говорил, что нам, полицейским, не стоит так уж открыто проявлять чувства. Как только девушка понимает, что интересна тебе, то либо убегает, либо садится на шею. Получается, что мне ещё стоило бы быть благодарным милой чертовке за столь деликатный отказ от кофе с молоком и всей романтикой.

Спал плохо. Ворочался и думал, что я ей скажу, если мы хоть когда-нибудь встретимся. Мысли были дурацкими, а все слова банальными, я тупо влюбился и не знал, что с этим делать...

Однако всё оказалось куда сложнее и наша встреча произошла гораздо быстрее, чем мне представлялось. Ибо на следующее же утро, когда я сумрачно припёрся на работу, только шагнув на порог, уже услышал её смешливый голосок:

– Ха-ха, да он ни за что не поедет! Мой шеф не сидит на диете и не занимается спортом, он такой толстый и неповоротливый, не то что вы...

Я ещё из коридора отметил, как Базиликус смущённо краснеет, сияя адским огнём во всё лицо. Эльвира, закинув ногу на ногу, сидела напротив, поясняя суть дела. Одета очень нарядно, в красном кружевном корсете и обтягивающих бархатных брюках чуть более тёмного оттенка, местная журналистка выглядела просто восхитительно. Мой начальник проиграл сражение ещё до того, как она начала говорить, – у него просто не было шансов...

– Проблема в том, что со мной должен был ехать фотограф, но у него вьетнамская свинка. – Чертовка опустила бровки, сделав жалобное личико. – А скромной девушке, одной, без охраны и поддержки на целом лайнере вампиров, ни за что не справиться. Мне не простят провала задания! Ума не приложу, что делать, что делать...

– Кажется, я знаю, как вам помочь, – отважно прокашлялся комиссар Жерар. – С вами поедет мой лучший сотрудник, а вот, кстати, и он! Браздинский, вы отправитесь на закрытую конференцию, чтобы помочь прессе в лице нашей очаровательной мадемуазель Фурье.

– Вы уверены, шеф, что я в эти дни не понадобится вам здесь? – для вида засомневался я, в душе не веря своему счастью.

– Конечно, поезжайте, когда ещё с нашей зарплатой у вас выпадет возможность попасть в такой круиз. Уж не в этой жизни точно. – Шеф раскатиисто рассмеялся, так что его мундир натянулся ещё больше, едва не лопааясь и обнажая несвежую рубашку.

Комиссар Базиликус вроде бы постоянно сидел на диете, но, как говорили, срываясь, примерно раз в месяц уходил в такой чревоугоднический загул, что за три дня возвращал весь тот один килограмм, что ему путём невероятных усилий удавалось сбросить за четыре недели.

– О, вы так добры, месье Жерар, я с удовольствием приму помощь пана Браздинского, – молитвенно скрестив руки на груди, простонала Эльвира. – Разумеется, все расходы наша газета возмёт на себя. И... с меня сувенирчик!

Прощаясь, она улыбнулась мне уголком губ, бросив хитрый взгляд сквозь скромно полуопущенные ресницы.

– Помощь прессе – наш гражданский долг! Не беспокойтесь, мы с капралом Флевретти как-нибудь управимся без одного бесценного сотрудника, – хмыкнул ей вслед комиссар, видимо по-своему расценив моё смущение. Я же стоял столбом, не рискуя спугнуть удачу.

– Да, месье, вы абсолютно опять правы, – не совсем впопад поддакнул Флевретти, потягиваясь на стуле и делая очередной глоток своего неизменного томатного сока с перцем.

Он у нас в отличие от шефа, подсаживающегося то на китайскую, то на урагвайскую еду, кажется, и питался только соком, а потому в плане фигуры был полной противоположностью главе отдела полиции. Тощий, как вампир после тысячелетней спячки, ленивый до разгильдяйства, любвеобильный до икоты и бескорыстный как никто, капрал обрекал себя на вечное прозябание без всякого служебного роста, но ни на миг и не сожалел об этом. Поверьте, такое бывает!

Ему хватало скромного жалованья, уставной полицейской формы и обширного дамского внимания, в котором он просто купался. Кстати, вампирская кровь у него и правда имелаась или, вернее сказать, тенденция к вампиризму. Его прабабушка укусила его прадедушку в первую же брачную ночь, чтобы продемонстрировать наутро кровавые простыни. Тогда ещё была такая смешная традиция. За простыню без крови наутро легко мог последовать развод...

Сколько сил мне стоило спокойно отработать этот день – кто бы знал! В голове то и дело всплывал образ прекрасной журналистки и её чарующий голосок: «Я с удовольствием приму помощь пана Браздинского!» О-о, это звучало просто волшебной музыкой...

На следующее утро в назначенный час я был на вокзале. Когда выходил из гостиницы, ещё не вполне рассвело и на душе пело возвышенное предвкушение чуда! Моя грудь вдыхала свежий запах пробуждающейся природы, и даже вороны на мёртвых вязах в аллее, сутки напролёт изрыгавшие проклятия, на время умолкли, устало задремав на своих ветках. И сейчас на перроне, в ожидании Эльвиры, на меня снизошло упоительное счастье от трогательнейшего единения со всем этим миром, таким мрачным, злым и одновременно таким чистым и восхитительно беззащитным в это дивное время суток...

Журналистка пришла на перрон в своём чёрном плаще, в котором я впервые увидел её, но в красном платке на голове и туфлях на высоченных каблуках она выглядела настоящей леди, сошедшей с обложки журнала «Chertopoliten».

– Ты чертовски сногшибательна, – сказал я, приветственно пожав её пальцы и беря её чемодан.

Она опустила голову, попытавшись скрыть радостную улыбку.

– А ты не заметил кое-чего?

– Ты покрасила волосы? Сменила причёску? Новая губная помада? Опять нет...

– Я думала, заметишь ещё в участке, – чуть виновато поморщилась она. – Я купировала хвост.

– Что?!

– Ну да, а чего такого? Ты был прав, это ненужный атавизм. Сам же говорил, что в столице так больше не носят...

Я не сразу ей поверил. Но получается, она сделала это ради меня? Чтобы быть такой же, как я, и стать мне ближе?! Но это же больно...

– Так вот почему мы не могли встретиться раньше. – Я тихо взял её за руку. Она благодарно потёрлась лбом о моё плечо.

Мы молча дождались нашу электричку, чтобы к ночи уже быть в морском порту, из которого и уходил наш лайнер. Я не знаю, почему молчала она, у меня же просто не находились умные слова для начала разговора, а сыпать банальностями или благодарностями казалось и глупым, и пошлым...

Разместившись по полкам, мы бросили вещи, попросили проводника запереть купе и сразу прошли в вагон-ресторан, где заказали завтрак.

– А расскажи мне о своей службе в столице? – первой начала она. – Я никогда не была там...

– Ну-у... ничего особенно интересного, – начал было я, но, видя её поскучевшие глазки, тут же поправился: – Хотя, если вспомнить пару занятных дел о краже в магазине женского белья «Зага-а-а»... Меня тогда второй раз ранили в перестрелке, шайтан-террорист засел за рядами лифчиков и...

За разговорами день пролетел так быстро, что мы почти не замечали ужасных красот за окном – древних разваленных замков по берегам мутной чёрной реки, кладбищ, где жили деревенские баньши и гарпии, склепов всех архитектурных стилей и даже печально известного на всю страну Умертвийного болота, прославившегося своими знаменитыми плясками безумных призраков удовов-однолюбов. Ходили слухи, что учёные, изучавшие их поведение, сошли с ума.

Нам было просто не до них, тема стрельбы сквозь кружевное бельё и задержания преступника, повязанного элитными чёрными колготками с люрексом без шва, так захватила мою собеседницу, что я впервые почувствовал себя в шкуре капрала Флевретти...

Мы говорили и говорили об одном, о другом, о третьем и вообще обо всём на свете, так что даже не заметили, как прибыли на место. Я с трудом скрыл разочарование, но вовремя вспомнил, что у нас ещё почти неделя, а точнее, пять дней на морском лайнере вместе. То есть уж наговориться успеем точно. Я опустил окно в купе и жадно вдохнул ноздрями свежий морской воздух...

До причала мы доехали на туристском трамвайчике. Время позволяло, и мы этим воспользовались, чтобы немного посмотреть портовый город. Мы выехали на расцвеченную огнями главную улицу со множеством сувенирных палаток, киосчков и магазинчиков, которые работали круглые сутки. Посмотрели в окошко на дельфинарий с программой плавающих в огне вулканических дельфинов, парк аттракционов ужасов с иконами самых известных человеческих святых и экстремальным аттракционом «Русские горки» без санок...

А вышли у знаменитой дьявольской аллеи с самой большой и старой пальмой, которая по легенде была посажена самим Люцифером в пору, когда он увлекался парковым садоводством. Сразу за ней был выход к докам, где рядом с сухогрузами стояли танкеры, работали подъёмные краны, сновали рабочие-домовые в шипастых касках, а уже оттуда рукой подать до пристаней. На отдельно отгороженных причалах теснились спящие своей белизной дорогие яхты, скутеры и катера...

– Вон он, наш «Падший ангел», правда красивый?

Я даже не сразу увидел так называемый лайнер, освещаемый прожекторами, он стоял у последнего причала, рядом с несколькими прогулочными моторками, мимо сновали грузчики с багажными тележками, торговли увядшими цветами, газированной серной водой и всякой сувенирной мелочью, покупаемой пассажирами в последний момент.

– Но это же обычный трёхпалубный речной теплоход? – неуверенно обернулся я.

– Ну да, – безмятежно откликнулась Эльвира. – На аренду настоящего океанского лайнера у вампирской ассоциации никогда денег не хватало. Они же все скупердяи как не знаю кто. Зато понтов выше бушприта! Поэтому едем на этом скромном теплоходике, который по всем отчётным документам ассоциации будет указан как лайнер. А тебе не всё равно?

– Да, в общем, не знаю, – замылся я.

– Поверь, – Эльвира доверительно взяла меня под руку, – на настоящий лайнер старина Жерар ни за что бы тебя не отпустил, не такой уж он и наивный. Плюнул бы на гордость и поехал бы со мной сам. А на этих скромных парходиках его укачивает...

Я подумал, что как эту посудину ни называй, однако выходить в открытое море на речном теплоходе – это чистой воды безумие. Но раз Эльвира была так твердокаменно-спокойна, то показываться перед ней трусом и даже просто чересчур осторожным занудой мне не хотелось. Поэтому я промолчал, решив тайно спросить о предпринятых мерах безопасности у капитана, когда её не будет рядом.

Увидев, что она загляделась на чёрные розы в последней стадии увядания, я взял ей букет, украшенный траурным крепом.

– Как ты узнал, что это мои любимые? И пахнут гниением и тленом... – Она прижала их к груди и чмокнула меня в щёку.

– Жаль, ещё не окончательно высохли.

– Ничего, умрут у меня в каюте... Это было очень мило, спасибо, Ирджи!

Не забывая о своих обязанностях фотографа, я сделал несколько снимков суеты у причала и поснимал «лайнер». Потом крупным планом первых пассажиров – молодого вампира и девушку из вегетарианцев, пьющих только искусственную кровь. Таких сейчас немало, они стояли на второй палубе и о чём-то спорили, вернее, что-то доказывала девушка. Но, судя по отчаянию и слезам в глазах, видимо, не в первый раз и уже не очень надеясь на успех, а вампир с усталым и горестным видом тупо смотрел прямо перед собой на сонный город.

На причале среди пассажиров других кораблей, провожающих и тех, кто просто прогуливался по набережной, можно было высмотреть и остальных участников предстоящей конференции. По качающемуся трапу поднималась делегация мурмынских вампиров-традиционалистов, одетых в строгие костюмы а-ля граф Дракула. Они держались с заносчивым достоинством мелких князей, в которых с кровью предков (и тщательно отобранных жертв) из века в век передавались псевдотрансильванский прононс и изысканные манеры. Хотя, по идее, они были действительно древнего происхождения, но времена меняются, и дедушкины кружевные манишки в сочетании с красными кушаками на толстых пузях выглядели до театральности наигранно...

Яркий контраст с ними составляли бритоголовые цыганские вампиры-нувориши, в атласных рубашках, мини-юбках с оборками и майках дорогих лейблов на голое, татуированное тело. Сплошь босые, шумные, блестящие вставными золотыми клыками, бренчащие кольцами-браслетами, ожерельями из ворованных монет и наигрывающие сами себе что-то заунывное на расстроенных гитарах в стиле «тимамотина». Хорошо хоть без вечно чумазных детишек, дёргающих прохожих за куртку и требующих не жадничать, а то хуже будет...

За ними выстроились краснолицые небритые виндусы-ракшасы с постоянно открытыми ртами, из которых вываливались огромные клыки и капала слюна. Когда они радостно здоровались с зеленокожими обоснийскими вампирами, те невольно отдёргивали волосатые пальцы, выражая неодобрение такой фамильярности шевелением длинных чёрных усов и косматых бровей. Не потому что такие уж брезгливые, просто слюна у виндусов ядовитая...

Скромно выглядящие славяне-упыри, в длинных посконных рубахах, в простонародных лаптях, с добрыми голубыми глазами, длинноволосые и бородатые, стояли отдельно, никого не трогая и ни к кому не приставая. Наверное, они и кровь пьют так же застенчиво, с достоинством, без позёрства...

Впрочем, мои земляки из Полякии пестрели яркими кунтушами, блистали улыбками и гордо задирали подбородки, показывая всем, кто тут самый-самый-самый. Даже если клыки короче, сапоги дырявые, усы висят, кровяную колбасу на экспорт никто не покупает, а сама популяция мала до смехотворности – гонор превышает всего!

Таким образом, все вампиры старались нарядиться в свои традиционные национальные костюмы. Но это исключительно для данной конференции, в повседневное время они одеваются как обычные законопослушные граждане, никак себя не выпячивая...

Ох, если б я только знал, что нас ждёт в этом на первый взгляд таком мирном круизе, то взял хотя бы табельное оружие. Но продолжу по порядку, как положено в отчётах...

– Идём?

– Да. – Я кивнул окликнувшей меня Эльвире, подхватил её чемодан, перекинув свою дорожную сумку на плечо, и шагнул вслед за ней на трап.

Наверху гостей встречал капитан, высокий статный чёрт в парадной форме с рублеными чертами обветренного лица, ободряющей улыбкой и рогами в полосочку.

– Добро пожаловать на борт «Падшего ангела», мадемуазель... – Он проверил протянутые билеты. – О, мадемуазель Фурье, и месье... Браздинский. Прошу вас! Стюард вас проводит. Жак, возьми багаж у месье.

Ушлый чертёнок в матроске и широченных клёшах выхватил у меня чемодан и быстрее ветра помчался по палубе. Эльвира прыснула в кулак, показывая на него глазами. Шустрый паренёк тем временем уже спустился на нижнюю палубу и добежал по коридору до нашей каюты, открыв её ключом.

– Прошу, мадемуазель и месье! – Он распахнул дверь и внёс багаж. – Ваша каюта. А здесь, – толкнул дверь в маленьком холле, – ваша ванная с серой, огненный душ, если перестанет работать, просто дёрните за шнур посильней, туалет, все удобства. Если что-то понадобится – дайте знать. Кхе-кхе...

Я сунул ему немного чаевых, и он, довольный, выпорхнул из каюты с ещё большим ускорением, чем влетел в неё. Мне даже на секунду показалось, что он создал маленький вихрь, от которого зашевелились занавески на открытых иллюминаторах и самопроизвольно захлопнулась дверь.

– Милый мальчик. Такой активный и услужливый, – уже в открытую рассмеялась Эльвира. – А здесь неплохо, старенько, грязненько, прямо как дома.

– Мы будем жить в одной каюте?

– Ну, кровати-то тут отдельные, – покраснев и опустив голову, заметила она. – Это же двухместный номер. У нашего руководства не так много денег, чтобы брать для сотрудников отдельные номера. Они всегда так заказывают.

– И ты всегда живёшь в одном номере с фотографом? – невольно заинтересовался я.

– Это всего лишь работа, ничего личного!

– Знаешь, я всё-таки пойду выясню насчёт отдельного или в крайнем случае подселюсь к какому-нибудь вампиру.

– Ты будешь спать в одной комнате с вампиром? – картинно изображая обморок, ахнула Эльвира. – Да ты знаешь, что он с тобой сделает? Обмажет тебя зубной пастой во сне! А ко мне поделят какую-нибудь старую упыриху-астматичку с лысеющим злобным пуделем. Она будет кашлять всю ночь, а он храпеть. Ты этого хочешь?!

– Мгм... этого я и врагу не пожелаю, – неохотно буркнул я. – Ты права, с вампирами лучше не селиться, а свободных кают у них просто может не оказаться, если на лайнере вместимостью в двести пассажиров только на конференцию, как ты мне говорила, заявлено двести три участника.

– Ну вот. Было о чём спорить!

– Хорошо-хорошо, как скажешь. Если ты точно уверена, что я тебя не стесню...

В ответ она лишь вздохнула и закатила глаза.

Вообще-то, честно говоря, каюта мне тоже понравилась. Старинная мебель, небольшие иллюминаторы, стены обшиты чёрным деревом, искусственно декорированным под вид «после страшного пожара». Взгляд сразу останавливался на большом пологе из паутины

над обеими кроватями, тонкая работа, труд сотен пауков, и как только такая ажурная вещь выдерживает морскую качку? А в центре потолка горела лампа с типовым плафоном в виде распластанной летучей мыши. Действительно, как дома, в детстве у меня в комнате была такая же...

Мы решили не задерживаться в каюте, а сразу пойти осматривать корабль.

– Думаю, мне стоит подождать тебя на палубе, – сказал я, выходя первым, чтобы дать Эльвире возможность привести себя в порядок. Женщины всегда тратят на такие вещи вдвое больше времени, чем мы, мужчины, поэтому вечно опаздывают. К этому нельзя привыкнуть, но можно подходить философски...

Поднявшись на среднюю палубу, я оперся о перила и стал смотреть, как капитан встречает новых гостей. Он как раз объяснял что-то на пальцах двум пожилым вампирам в длинных лапсердаках и чёрных шляпах, судя по носам и пейсам, изрялтыням. А за ними стояли ещё трое кровососов, но уже в обычных современных строгих костюмах лишь слегка готического покроя. Эти явно наши, из Парижска, я таких пару раз арестовывал за появление на улице днём в нетрезвом виде и неподобающей одежде. Вообще-то, скорее, совсем без неё...

– Да уж, кажется, мы... Здесь собрались вампиры разного пошиба и... – произнёс рядом кто-то неприятным тонким дребезжащим голосом. Причём в свежести морского воздуха явственно ощутился аромат дешёвого алкоголя...

– Простите, вы мне? – Я обернулся и увидел тщедушного пожилого чёрта в потрёпанном костюме, со злым колючим взглядом, характерно красным носом и морщинистыми руками с длинными крючковатыми пальцами. Типичный алкоголик, и как только его пропустили на корабль?!

– А вам, юноша, видимо, такие сборища по...

Пренебрежительный тон и манера говорить тоже не вызывали мгновенного расположения к незнакомцу.

– Доктор Хам Хмельсинг, к вашим... – Он протянул мне влажно блеснувшую ладонь.

– Ирджи Браздинский. – Я колебался и не стал добавлять «приятно познакомиться», что-то отталкивающее промелькнуло в его лице и почувствовалось в липком рукопожатии.

– Вы эмигрант, как и...? У вас славянская морда и черты лица так...

Меня резко поразила эта пьяная наглость: когда всё время ходишь в полицейской форме, невольно привыкаешь к гораздо более вежливому обращению. А сейчас я в штатском, и вот пожалуйста...

– Нет, я не эмигрант. Но, собственно, какое вам дело до моего лица?

– Хм... А я был почти уверен, что...

– Вы меня извините. – Мой подчёркнуто-холодный тон намеренно противоречил словам. – Мне надо идти.

– Вы журналист или...? На этом полном вампиров корабле только журналист может быть столь беспечен, но... Просто я не люблю... Этим и вызвано, признаюсь, моё несколько неуважительное к вам...

– Вы пьяны или издеваетесь? – не выдержал я.

– О нет, не пьян, что... Простите меня, если я вас задел, молодой... Но ещё никто не упрекал меня в подстрекательстве к... – еле слышно откликнулся пассажир, не давая мне возможности окончательно утвердиться в праве заехать ему по уху.

Вряд ли, конечно, я бы стал это делать, мне бы не позволили честь мундира и уважение к старости. Хотя в данном конкретном случае стоило бы! Есть такие милые типажи, которые испортят вам всю кровь, наплюют в душу, обвинят во всех грехах и уйдут не извинившись, с чувством исполненного долга.

По счастью, в этот момент к нам на палубу поднялась Эльвира, в вечернем платье цвета чёрной морской волны, накинутом на плечи прозрачном палантине и туфлях-лодочках на шпильках в тон губной помаде. Я обернулся, дабы сразу увести её отсюда, но не успел...

– О, профессор Хам Хмельсинг! – неожиданно радостно кинулась она к старичку.

– Моя худшая... – На его лице отобразилось подобие язвительного удовольствия. – Вы были такая... мхм...

– Такая что? – с угрозой уточнил я, забыв, что переспрашивать что-то у него бесполезно.

– Такая вся...

– Да, это я освещаю конференцию для «Городского сплетника». А вы-то что здесь забыли, старый маразматик? – Эльвира нежно приобняла его за костистые плечи.

– Я, милочка, здесь просто по совету моего... Морской воздух полезен для моих...

– Понимаю, вы опять на охоте? – Она заговорщически посмотрела ему в глаза и сжала кулачки.

Профессор вытер старческую слезу и попытался ущипнуть её за попу.

– Эй! – Я рефлексивно схватил его за руку.

Моя спутница с возмущением округлила глаза, но в этом возмущении явно читалась симпатия к нетрезвому извращенцу.

– Простите, рука сорвалась, милочка, и... Ну отпустите же, вы, грязный...

Эльвира выразительно кивнула мне, и я выпустил его из захвата.

– Держитесь от неё подальше!

Старичок потёр пострадавший локоть, кинул на меня злобный взгляд и быстро захромал прочь.

– Он был твоим преподавателем? – поражённо спросил я. – С такой чудесной особенностью, не сказать дефектом, речи?!

– Это никому не мешало. Мы всё равно его не слушали, – беспечно откликнулась она, грациозно опираясь на перила.

– А что он у вас вёл? Ну, в перерывах между запоями...

– Читал лекции по психологии бытового вампиризма. Говорят, в молодости он был известным охотником, буквально одержимым борьбой с вампирами, пока они его не покусали пьяного в тёмном переулке за пабом. С тех пор он изучал вампиров только с научной точки зрения, даже купил по ним докторскую и выбрал мученическую стезю преподавателя пединститута, где я училась.

– Но он сказал мне, что не любит журналистов, и даже, приняв меня за твоего коллегу, повёл себя просто как свинья. Выходит, он ненавидел всех своих студентов?

– Конечно, за что мы его и сами ненавидели всем сердцем, – улыбнулась Эльвира, с любовью оглядываясь на скрывающегося из виду старика и беря меня под руку. Я на мгновение замер, это было приятно. Она впервые взяла меня так под руку, прижавшись к ней грудью.

Но я не смог сразу выкинуть из головы этого седого Хама Хмельсинга. Что-то в нём настораживало, хотя, возможно, причиной тому была только моя профессиональная подозрительность.

– Он что-то недоговаривает... – Я всё-таки не удержался, чтобы не заметить это вслух.

– Он всё время недоговаривает, – рассмеялась Эльвира. – С тех пор как его покусали. Слишком большой стресс, охотники жутко не любят, когда их дичь кусается...

Мы прошли по средней палубе от носа до кормы, пока я восстанавливал нервы. Всё-таки её учителю удалось меня задеть, последний раз в славянской внешности меня упрекали однокурсники по академии, но там всё решали кулаки, и я быстро завоевал должное уваже-

ние. Надо быть проще, вспомнить, зачем я здесь, забыть о службе и переквалифицироваться в газетного фотографа. И я вновь занялся снимками...

Эльвира же присоединилась к группе вампиров, собравшихся у доски объявлений. На плакате с крупной надписью «Ежегодная конференция по вопросам искусственного питания и нетрадиционной косметики» висел план мероприятий. Итак, уже сегодняшней ночью нас ожидало:

- 1) Торжественное открытие.
- 2) Дегустация красных вин.
- 3) Ужин а-ля фуршет.
- 4) Шельмование изменников.
- 5) Концерт самодеятельности.

– Каждый год этот дурацкий концерт Эдика Калинкина, – угрюмо прошипел и оскалил клыки остроносый вампир, судя по рисунку вышивки на рубаше, из Маадьярии.

– Разрази меня гром, да этот эмигрант из Ухрюпинска дьявольски далеко пошёл, – сказал вампир с огненной шевелюрой и в скоттландском килте в красно-зелёную клетку.

– За такое, с позволения сказать, пение его часто посылают... Но он всегда возвращается! Опять будет нудеть под рояль свои печальные арии о бедном пастушке-вампире, который хотел укусить одну юную овечку, но всё никак не решался, – эстетствующе добавил мурмынец-традиционалист, и все сочувственно закивали.

В этот момент прозвучал трагический пароходный гудок, и мы медленно, под разногласный хор вампиров со всех палуб, наконец-то отчалили. Меня вдруг замутило, надеюсь, это реакция на тоскливый вурдалачий вой (недаром в былые времена им пытали на допросах самых злостных преступников), а не морская болезнь. Правда, в море я ещё ни разу не был, но вроде бы вестибулярный аппарат у меня в норме, на каруселях никогда не тошнило, даже на небезызвестной «Дороге в ад на тележке шахтёра» не укачало, а там, вы знаете, такие выражи, что буквально видишь перед носом свои же пятки!

До начала торжественного открытия у нас было больше часа, и мы успели всласть прогуляться по всему пароходику, посмотреть читальный и танцевальный залы, заглянуть на камбуз, в музыкальный салон, конференц-зал, пройти по шлюпочной палубе и, сев там на одну из скамеек, полюбоваться на огни удаляющегося берега. Ощущение качки значительно притупилось. Мы молчали, очарованные моментом, а наш кораблик мирно покачивался на тихих волнах, утверждая в душе покой и безмятежность...

А в результате неожиданно засиделись и немного опоздали к самому началу открытия конференции. Когда мы вошли в зал, где проходило это мероприятие, какой-то толстый маадьярский вампир, в чёрном готическом фраке и с золотой звездой на груди, уже зачитывал доклад перед разномастной вампирской публикой. Эльвире, как зарегистрированному представителю прессы, разумеется, освободили место в первом ряду, а мне пришлось жаться у стены, старательно щёлкая фотоаппаратом.

Кажется, здесь собрались вампиры всех видов. Правда, они предпочитают, чтобы их называли нациями (мурмынские вампиры, российские упыри, харвадские вурдалаки), слово «вид» опускает их к животным. Тогда как они, по уверениям их же учёных умов и историков, в большинстве своём являют пример самых высокоразвитых и цивилизованных существ в нашем мире!

Такое высокомерие, конечно, мало кому может понравиться. Поэтому остальная часть мира дружно считает их выскочками и снобами. Даже тихие рабочие домовые называют их «наши благородные господа-кормильцы» исключительно в ироническом смысле. Действительно, все вампиры непонятно с чего мнят себя аристократами, хотя в большинстве своём имеют самое пролетарское происхождение...

Итак, судя по костюмам, здесь собрались виндусы, цыгане, израильтяне, маадьяры, румалы, поляки, россы, а ещё выбритты, парижсцы и, кажется, высокогорные скотты, если судить по изгвазданным в сырой могильной земле килтам, в которых они щеголяли.

Первый оратор, доктор Пияв из Поркса, выступавший с открывающим конференцию докладом, отстаивал новые технологии в вампирском пищепроеме, доказывая, что это повысит популярность вампиров и даст им возможность сыграть большую роль в жизни общества.

– Искусственный заменитель крови – это будущее вампирской цивилизации! – уверенно вещал он, и журналисты торопливо записывали основные тезисы.

– Вампиры по своей сути противники всего растительного. Наш организм естественно отторгает растительную косметику, равно как и кровь на растительной основе, – услышал я раздражённый шёпот рядом со мной. Это был трансильванский вампир с беджиком представителя общества «За вечные ценности».

– Не у всех, о брат мой скептический, – с милой улыбкой возразил доктор Пияв. Чуткий вампирский слух иногда мешает вампиру сохранить диалог с приятелем в тайне от других вампиров, его слова слышат сразу все его соплеменники в радиусе километра. А обладающие особыми способностями ещё и дальше, эти бедолаги даже днём не могут спокойно заснуть в своём гробу в специальном подземном бункере из-за вечной болтовни соседей – вампиры любят потрепаться...

– Моя семья вот уже пятьдесят лет прекрасно обходится лишь томатным соком. И только по праздникам мы позволяем себе чуточку мягкости, – продолжал доктор Пияв елейным тоном святого проповедника. – И, как видите, я бодр, свеж, занимаюсь серьёзной научной деятельностью и ничуть не страдаю по крови невинно убиенных крыс...

По залу прокатился громкий страдальческий вздох, как я потом узнал, большинство уже устало от желания доктора Пиява привить всем подряд тот образ жизни, который вела его семья, своим навязчивым примером он заставлял обычных вампиров чувствовать себя кровавыми мясниками и злобными пережитками общества. А кому приятно такое о себе слышать?

Следующим взял слово некий Полидори, оказавшийся представителем какой-то мощной косметической фирмы. Он объявил, что в рамках главной цели ассоциации «Вампиры нового поколения» в его фирме разработали солнечную косметику с эффектом постепенного приучения вампира к солярию как к закаляющей и повышающей иммунитет процедуре.

Дальше шла полчасовая демонстрация продукции с подробным описанием свойств кремов и бальзамов, омолаживающих организм, на основе 0,0002 % раствора серебра, ботекса внутривенно, и увлажняющего молочка для тела с «ароматом свежепущенной крови четвёртой группы, резус положительный». Вопреки устоявшемуся заблуждению, вампиры всё-таки изрядно стареют, а в поисках вечной молодости и серебром не побрезгуют...

Затем и он уступил место новому оратору, который заинтересовал меня настолько, что я даже забыл о своих обязанностях фотографа. Дело в том, что он не был вампиром. Даже больше – он был противником всех кровососущих. Невысокий смуглый мужчина, в костюме-тройке, с гладко выбритой головой, горделивым профилем и скальповой прядью, спускающейся к левому уху. Плюс два орлиных пера и боевая раскраска.

Заметив мой изумлённый взгляд, он дружелюбно улыбнулся и кивнул, представившись:

– Чунгачмунк Большущий Змей из племени Черепах. Последний индеец славного племени теловаров из Северной Примерики, окончил Гавгард, экономист, свободно владею шестью языками. На вашу конференцию приглашён согласно древнему договору. В прежние времена вампиры-эмигранты, переселяясь в прерии Примерики, заключали соглашение с местными индейцами о разделении зон охоты. Если кто-то нарушал территорию и выходил

на кровавое дело в непосредственной близости от стойбища, то воины племени покидали вигвамы, превращаясь в тотемных зверей, и шли прогонять врага! Но времена изменились, и я рад приветствовать всех вас как друзей, а не врагов...

Зал слаженно поаплодировал, расцвёл скалозубыми улыбками. Трогательный юмор ситуации, как мне потом объяснили, заключался в том, что тотемом теловаров была черепаха. С медведями, волками или бизонами вампиры, благоразумно, ничего не заключали. А свирепые черепашки, бегущие мстить тебе по горячему следу, это всё-таки не столь страшно...

Собственно, об этом индеец и говорил, коротко, по существу, благодаря присутствующих за то, что договор соблюдается, а то многие его братья-охотники как ушли в поход лет двадцать назад, так до сих пор и не вернулись, хотя за соседним холмом их уже видели.

Вампиры дружно аплодировали ему стоя!

А меня вдруг опять замутило, я посмотрел в окно. Мы шли вдоль береговой линии, держась не более мили от полосы прибоя. Это немного успокаивало. Капитан был явно не дурак и, похоже, не собирался выходить в открытое море на речном теплоходе, даже если вампиры самонадеянно называли его лайнером и ждали от скромного пассажирского судёнышка равных возможностей с океаническим рассекателем волн.

Эльвира стенографировала, карандаш в её тонких пальчиках так и мелькал, я волевым усилием подавил подступающую тошноту и сделал несколько фото с учётом её просьбы: «Взять крупно оратора и поснимать с разных точек аудиторию». Работа газетного фотографа оказалась весьма необременительной, а в чём-то даже увлекательной.

Все вампиры, сидящие на почётных местах, представляли собой интересные типажи. Бледные, строгие, сплошь косящие под дворян (даже полуграмотные оборванцы-ракшасы), худющие до непристойности и вечно улыбающиеся своим потаённым мыслям. Они слушали ораторов вполуха, о чём-то перемигиваясь меж собой. Курили, ни у кого не спрашивая разрешения, строили глазки Эльвире и ещё двум молоденьким журналисткам – корреспондентам других изданий.

Один что-то насыпал в стакан с водой, возможно, лекарство, но какое у вампиров может быть лекарство? Они и не болеют-то никогда. Самое страшное, что их может прихватить, – это несварение желудка, оттого что кровь попала несвежая или просто он до икоты ею упился.

Второй, явно москвитянин с биджиом «Не брак!», вообще сидел с ноутбуком на коленях, нагло сливая в Интернет всё, что его здесь забавляло. Судя по ехидной улыбочке, его комментирование происходящего на конференции было весьма хлестким. Пополняет враньём свой ЖЖ, к радости услужливых френдов и визжащих девочек-подпевал...

Однако стоило мне всерьёз заняться работой, как был объявлен перерыв на чашечку горячей искусственной крови и свободное времяпровождение для желающих выйти в туалет. После чего следовало продолжение конференции в приватной обстановке за банкетным столом...

Эльвира встала, потянулась и, не закрывая блокнота, предложила мне пройти с ней в ресторан поужинать. Уже за столиком, показывая ей на экране фотоаппарата отснятые кадры, я обратил внимание на некоторые детали, которые не сразу бросались в глаза.

Один из итальянских вампиров протягивал кому-то записку за спиной оратора, жаль, из-за крупногабаритности последнего не было видно, кому именно. У двух маадьяр из рукавов выглядывали тонкие рукояти стилетов. Израильтяне же буквально были напичканы оружием – от засохших кусочков мацы для метания в глаз до мини-гранатомётов под длинными лапсердаками.

Но Эльвира отмахивалась от этих очевидно опасных фактов, как от надоедливых цветочных фей. К примеру, традиционные кинжалы вампиры носят как часть национального

костюма, на деле они с затупленными лезвиями. Записки за спиной лектора – обычная практика, не отрывать же его выкриками из зала. А если мне и показалось, что кто-то кому-то что-то сыпет в стакан, то через два часа будет видно – недалёкие студенческие шутки с пургеном для вампиров самое милое дело.

– Оставь это, не собираешься же ты их допрашивать без повода, – автоматически буркнул я себе под нос. – Твоя задача – фотографирование!

Да, повода как будто действительно не было. В ту минуту я и предположить не мог, как же быстро он появится. И весьма существенный повод! Но сейчас мне абсолютно не хотелось выглядеть в глазах Эльвиры нервным параноиком, и я был рад, что к этому времени как раз накрыли столы и начался полуторжественный ужин-банкет с дегустацией вин в честь открытия конференции.

Вампиры расселись за столы, каждый со своей национальной группой, вышколенные официанты в морской форме тут же поставили перед ними хрустальные графины с соевой кровью и новым искусственным заменителем, о котором долго вещал один из его производителей.

– А обещанная программой дегустация красных вин? – вполголоса уточнил я у обслуживающего наш столик официанта.

– Будет подано сию минуту, месье офицер, – тонко улыбнулся он. – Вас выдаёт военная выправка и настороженный взгляд. Служите в полиции или военной разведке?

– Закроем тему. – Я уставился в меню.

Официант понимающе подмигнул и отошёл.

– Что это, котт де бёфф-стейк на Т-образной кости?! Я не ем кошек!

– А зря, они вкусные, хоть и дорогие. Но не облизывайся, на деле просто хорошо прожаренная свинина на косточке. Зато именно от этого словосочетания произошло популярное слово «котлета», – улыбнулась Эльвира.

– А, понятно, – неуклюже попытался выкрутиться я. – Просто у нас в Полякии традиционно считают, что это блюдо готовится из котов, пойманных в августе. К концу лета коты обычно жиреют.

– Да-а, – мечтательно зажмурилась она. – Как-нибудь надо заглянуть к тебе на родину и полакомиться натуральной пищей. Свозишь меня на охоту?

– Мой дядя – начальник охотничьего хозяйства, у них этих кошек по двору бегает, хоть из окна стреляй, – гордо выпрямился я, лихорадочно придумывая причины для вежливого отказа, если вдруг действительно придётся ехать. У меня ведь вообще нет дяди!

Но у Эльвиры уже загорелись глаза, она радостно продолжила:

– А как ты относишься к корейской кухне?

– Собаки там тоже есть, – неуверенно кивнул я.

– О... мм... как соблазнительно! Но это не скоро, а пока я, наверное, буду пюре-эпатаж!

– Постой-постой, у нас эпатаж – это когда пюре надевают тебе на голову?!

– Какая у вас запущенная, дикая, необезображенная культурой страна... – с нескрываемой завистью вздохнула моя журналистка.

– Если «киш» – это запеканка... – продолжал я, изучая меню. – Дай угадаю. Киш-миш – запеканка из мышей! Так?

– Моя любимая, – покивав, облизнулась Эльвира.

– Тогда я возьму, пожалуй, эпатаж-а-кресен, это ведь пюре с крысой, я правильно понял?

– К сожалению, с обычным кресс-салатом. И кто его ест в нашем мире?

– Но уж эпатаж-кресси точно с крысой?!

– Вегетарианский, с луком и морковью, – покачала она головой, глядя на меня с жалостью. Эх, не поесть мне сегодня крысы! – Как так вышло, что, служа в Парижске, ты не знаешь наших самых популярных блюд?

– Во-первых, прослужил я там недолго, во-вторых, больше учился, чем служил, в-третьих, жалованье сержанта не позволяло шататься по дорогим ресторанам, а в-четвёртых, как видишь, я там не прижился. Славянская морда, как выражается твой бывший наставник...

Тот же подмигивающий официант подал нам наконец красное сухое черногорийское вино «Рванац», и разговор плавно перешёл на другую тему. В какой-то момент я отвлёкся от рассуждений моей милой собеседницы о пользе ежедневной бутылки вина для цвета лица девушек и услышал обрывки разговора за соседним столиком.

– Мы – потомки ангелов и женщин, с которыми они воссоединились, и потому должны питаться кровью. Ибо именно кровь крыс – единственное, что смогло заменить амброзию, которой насыщались наши прародители на небе. Историю ещё никто не отменял! – горячо доказывал самый молодой в компании маадыр.

– Альтернативную историю? О да... Но поверьте, скорее наши праотцы были наказаны за то, что ослушались Бессмертного, и он сделал их детей чудовищами, которые не могут выжить без крови. Но, разумеется, это всего лишь легенда, калька с более древних мифов, согласно которым Творец, создавая мир, населил его людьми, вампирами и чертями, – чуть насмешливо отвечал толстый вампир, явный типаж учёного...

– Не спорю, коллега, ведь всем известно, что людей выдумали, чтобы пугать детей. Хотя с научной точки зрения можно признать, что они вымерли в результате эволюции. А мы, вампиры, были всегда, даже до сотворения мира! Поэтому мы однозначно порождение древней Тьмы, а не кудрявых светлых ангелов... – поддержал его седой вампир в тупецкой феске с кисточкой.

Видимо, обсуждалась очередная многотомная теория происхождения вампиров. Они безумно любят мусолить эту нескончаемую тему...

– Вампиры как потомки ангелов, сошедших на землю и вступивших в связь с первобытными чертовками? Интересное мнение. – К компании присоединился ещё один вампир с бокалом искусственной крови в руках.

– Это уже вполне доказанный факт! – горячился молодой маадыр. – Поначалу наши прародители быстро умирали, так как не могли пить материнского молока и глотать любую земную пищу, но потом аналог небесной амброзии был найден, и это оказалась... крысиная кровь! Только она, питая, продлевает нам жизнь. А не какой-то томатный сок... Лишь тёплая кровь – наша единственная, естественная, традиционная, проверенная веками пища!

– Возможно, возможно... Но сами постулаты в корне неверны! Лично я убеждён, что это была божественная кара для ослушавшихся Всевышнего ангелов-отщепенцев. Именно их дети не могут жить без крови крыс и вечно обречены быть изгоями общества! А после смерти их ждёт ещё и вечное проклятие! То есть всех нас оно ждёт, – качая головой, заключил толстый маадыр со скорбью, к которой примешивалась изрядная доля театральщины.

– Я бы скорее назвала это наказанием крыс. Их-то за что было карать? – не выдержав, возмутилась Эльвира. Она произнесла это достаточно тихо для ушей чёрта, но не вампира.

Дискутирующие за соседним столиком разом уставились на нас. Да и не только они...

– Может быть, и есть за что, нам не дано постигнуть промысел Высшего Разума, – с масляной улыбкой чуть поклонился итальянский вампир, в котором я узнал рекламировавшего косметику для солярия, что подтверждал его беджик с надписью «Кармил Полидори – специалист по макияжу». А я-то всегда думал, что Кармил – это женское имя. Но у этих вампиров всё не как у чертей...

– Верно, – закивали его соратники, – не нам судить само Небо!

– Но амброзия и кровь? Какое в них сходство? – не отступала Эльвира.

– И та и другая дарует бессмертие, и это всё, что нам нужно знать, – зевнул сидящий неподалёку от нас вампир из выбриттов, с вальяжным видом откидываясь в кресле, так что стал виден и его беджик, который гордо гласил: «Лорд Рутвен».

Я подавился смешком. Вот в этом они все: нарочитое подчёркивание своего аристократизма, каждый второй вампир обязательно лорд, граф или князь. В крайнем случае незаконнорожденный отпрыск таинственного знатного рода, а какого именно, загадочно умалчивается, потому что род этот слишком высокий, чтобы упоминать его вслух, чаще всего намекая на королевский дом.

Но, видимо, мой смех был слишком вызывающ, присутствующие с упрёком развернулись в мою сторону. Вампиры очень обидчивые, как и все нацменьшинства, и всё время подозревают, что их ущемляют в правах. В своё время партия вампиров-политиков правого толка долго добивалась, чтобы их народ наконец-то признали неоднократно подвергавшимся безобразным угнетениям и гонениям. Можно подумать, не они сами были в этом виноваты! Сильно сомневаюсь, что такое признание им нужно было, но добивались, лишь бы к их вечным претензиям начали прислушиваться, раньше-то над их придирками просто смеялись. Однако поправка в закон прошла, вампиры победили. И сейчас смех (читай: издевательство) над вампиром уже шёл по статье «ущемление прав нацменьшинства»! За что суд мог и с должности снять, и срок дать, и штраф выписать немалый в зависимости от «тяжести нанесённого оскорбления»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.